СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

Снимокъ съ перваго изданія 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина подъред. А. Ѳ. Малиновскаго

Съ приложеніемъ статьи проф. М. Н. Сперанскаго и факсимиле рукописи А. Ѳ. Малиновскаго

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

О

ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ

УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

писанная

СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ

съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА
Въ Сенатской Типографіи,
1800.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МОСКОВСКОЙ ЦЕНСУРЫ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ПѢСНИ.

Удѣльный Князь Новагорода-Сѣверскаго *Игорь Святославичь*, не здѣлавъ сношенія съ старѣйшимъ Великимъ Княземъ *Кіевскимъ*, рѣшился въ 1185 году отмстить самъ собою *Полоецамъ* за раззореніе подвластныхъ ему владѣній и пріобрѣсть себѣ чрезъ то славу. Къ сему наступленію уговорилъ онъ роднаго брата своего *Трубчевскаго* Князя *Всеволода*, племянника своего *Рыльскаго* Князя *Святослава Ольговича*, и сына своего Князя *Владиміра*, имѣвшаго удѣлъ свой въ *Путивлѣ*; и съ симъ немноголюднымъ, но храбрымъ войскомъ, выступилъ въ походъ противъ обидившихъ его.

Маія 1го, когда пришелъ онъ на *Донецъ* и распологалъ на берегу лагерь свой, сдѣлалось такое необычайное затмѣніе солнца, что днемъ звѣзды оказались.

Суевѣры всячески убѣждали Князя *Игоря* оставить свое предпрїятїе; онъ не послушалъ ихъ, и отвѣчалъ на то: что одни только трусы боятся чрезвычайностей, что онъ назадъ никакъ не возвратится, и что *стыдъ ему тягчае смерти*. На другой день пошли впередъ: но предубѣжденные несчастнымъ знаменїемъ воины *Игоревы* едва только увидѣли непрїятеля, всѣ прїуныли. Отважный Князь уговаривалъ ихъ, и даже приказывалъ, чтобъ тѣ, которые не хотятъ биться за него, возвратились въ свои домы; однакожъ никто оставить его не хотѣлъ. Встрѣтились *Половцы*, и первое сраженїе съ ними было весьма удачно для *Россїянъ*; они разбили ихъ, и даже овладѣли всѣмъ обозомъ ихъ и богатствами. При сей удачѣ молодые Князья *Святославъ Ольговичъ* и *Владимїръ Игоревичъ*, подстрѣкаемы будучи неопытною храбростїю и удальствомъ своимъ, безъ совѣта старѣйшихъ отдѣлились за рѣку *Сюурли* (*) для погони за непрїятелемъ.

(*) Рѣка сїя въ Половецкихъ кочевьяхъ. Войски Русскїя шли отъ *Донца* къ рѣкѣ *Осколу*, отъ *Оскола* къ рѣкѣ *Сальницѣ*, отъ *Сальницы* шли всю ночь, и наутро около обѣда пришли къ рѣкѣ *Сюурли*, гдѣ и встрѣтились съ *Половцами* — *Татищ*. Книга III. стр, 262.

Половцы, получивъ себѣ подкрѣпленіе, тотчасъ воспользовались раздробленіемъ Россійскихъ полковъ, обскакали со всѣхъ сторонъ Князя *Игоря*, и бились безпрестанно два дни. Сей Князь былъ раненъ; а потомъ и въ плѣнъ взятъ со всѣми бывшими съ нимъ Князьями. Пять тысячь оставшагося его войска равномѣрно принуждены были здаться превосходной силѣ непріятельской. *Половцами* предводительствовали тогда Князья ихъ *Кончакъ* и *Гзакъ* (*). Сочинитель сравнивая сіе несчастное пораженіе, (приведшее всю *Россію* въ уныніе) съ прежними побѣдами, надъ *Половцами* одержанными, припоминаетъ нѣкоторыя достопамятныя произшествія и славныя дѣла многихъ Россійскихъ Князей. Отъ сей побѣды, говоритъ онъ, *Половцы* сдѣлались дерзновеннѣе и усугубили свои грабительства и разоренія повсюду. Великій Князь Кіевскій *Святославъ Всеволодовичь* весьма сѣтовалъ о племянникахъ своихъ *Игорѣ* и *Всеволодѣ Святославичахъ*, общественно всѣми любимыхъ. Онъ въ горести своей жалуется на свою старость, препятствующую ему выручить ихъ изъ неволи и взываетъ ко всѣмъ современнымъ Князьямъ

(*) См. Исторію *Татищева* книгу III стр. 260 — 265.

о вспоможенiи. Русскiя жены оплакиваютъ смерть и плѣнъ мужей своихъ. *Игорева* супруга Княгиня *Ефросиния* (дочь Князя *Ярослава Владимировича Галицкаго*) оставшись въ *Путивлѣ*, возноситъ жалобный голосъ свой то къ вѣтру, то къ солнцу, то къ рѣкѣ Днѣпру. Пѣснь сiя оканчивается возвращенiемъ Князя *Игоря* въ свое отечество. Ибо по причинѣ сдѣланныхъ *Половцами* затруднений въ выкупѣ его, онъ принужденъ былъ спастись оттуда бѣгствомъ.

Любители Россiйской словесности согласятся, что въ семъ оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненiи видѣнъ духъ *Оссiановъ*; слѣдовательно и наши древнiе герои имѣли своихъ *Бардовъ*, воспѣвавшихъ имъ хвалу. Жаль только, что имя Сочинителя неизвѣстнымъ осталось. Нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и коренныхъ въ сей Поэмѣ выраженiй, могущихъ навсегда послужить образцемъ витiйства; благоразумный Читатель самъ отличитъ оныя отъ нѣкоторыхъ мѣлочныхъ подробностей, въ тогдашнемъ вѣкѣ терпимыхъ, и отъ вкравшихся при перепискѣ непонятностей.

Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежитЪ Издателю сего (*), который чрезЪ старанія свои и прозьбы кЪ знающимЪ достаточно Российской языкЪ доводилЪ чрезЪ нѣсколько лѣтЪ приложен-

(*) Г. Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину. ВЪ его Библіотекѣ хранится рукопись оная вЪ книгѣ, писанной вЪ листЪ, подЪ № 323. Книга же сія содержитЪ слѣдующія, по ихЪ оглавленіямЪ, матеріи.

1) „*Книга глаголемая Гранаграфъ (Хронографъ), рекше начало писменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; прежде о бытіи, о сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеовыхъ и отъ Іисуса Навина, и отъ Судей Іудѣйскихъ, и отъ четырехъ Царствъ; такъ же и о Асирїйскихъ Царехъ, и отъ Александріа, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же благочестивыхъ, и отъ Рускихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.*

2) „*Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе Русскихъ Князей и земля Рускыя.*

3) „*Сказаніе о Индіи богатой.*

4) „*Синагрипъ Царь Адоровъ, Иналивскія страны.*

5) „*Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславля, внука Ольгова.*

6) „*Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о бръзости, и о силѣ, и о храбрости.*

7) „*Сказаніе о Филипатѣ, и о Максимѣ, и о храбрости ихъ.*

8) „*Аще думно есь слышати о свадѣбѣ Девгѣевѣ, и о въсхыщеніи Стратиговнѣ.*

ный переводъ до желанной ясности, и нынѣ по убѣжденїю прїятелей рѣшился издать оной на свѣтъ. Но какъ при всемъ томъ остались еще нѣкоторыя мѣста невразумительными, то и проситъ всѣхъ благонамѣренныхъ Читателей сообщить ему свои примѣчанїя для объясненїя сего древняго отрывка Россїйской словесности.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, (а) ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по

ПѢСНЬ О ПОХОДѢ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЬГОВА.

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ *Игоря*, сына *Святославова!* начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по

(а) *Игорь Святославичь* родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ *Георгіемъ*; женился въ 1184 году на Княжнѣ *Евфросиніи*, дочери Князя Ярослава Володимировича *Галичьскаго* въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыковей.

былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню (6). *Боянъ бо вѣщій,* вымысламъ *Бояновымъ*. Ибо когда мудрый *Боянъ* хотѣлъ прославлять кого, то но-

(6) Такъ назывался славнѣйшій въ древности стихотворецъ Русской, которой служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ нѣкоторыхъ въ примѣръ здѣсь приведенныхъ словъ его явствуетъ, что *Боянъ* воспѣвалъ всегда важныя произшествія и изъяснялъ мысли свои возвышенно. Когда й при которомъ Государѣ гремѣла лира его, ни по чему узнать не льзя; ибо не осталось намъ никакого отрывка, прежде великаго Князя *Владиміра Святославича* писаннаго. Отъ временъ же его дошла до насъ между прочими слѣдующая народная пѣсня, въ которой находимъ уже правильное удареніе, *кадансомъ* въ Стихотворствѣ называемое; но вѣроятно, что и та въ послѣдствіи переправлена:

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное
Про Князей и про Бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю Поляницу удалую.
Въ Полъ-сыта баря наѣдалися,
Въ полъ-пьяна баря напивалися.
Послѣдняя ѣства на столъ пошла,
Послѣдняя ѣства лебединая:
Стали бояре тутъ хвастати: *и проч.*

аще кому хотяще пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть і҃ соколовь на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярослову (в), храброму Мстиславу (г), иже зарѣза Редедю предъ

сился мыслію по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. Памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ-либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣе долеталъ, тому прежде и пѣснь начиналася, либо старому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю предъ

(в) Чрезъ стараго *Ярослава* Сочинитель разумѣетъ здѣсь Великаго Князя *Ярослава Владимировича*, давшаго Новогородцамъ законы, подъ именемъ *Русской Правды* донынѣ извѣстные. Онъ былъ прапрадѣдъ *Игорю Святославичу*, которому воспѣвается пѣснь сія.

(г) Храбрый *Мстиславъ*, также сынъ Великаго Князя Владиміра Святославича, родный братъ *Ярославу* I. Будучи на удѣлѣ въ Тьмутараканскомъ Княжествѣ 1022 года, выступилъ онъ въ походъ противъ Косоговъ. Князь Косожскій *Редедя*, понадѣясь на крѣпость мышцъ своихъ, будтобъ для пощады съ обѣихъ сторонъ воиновъ отъ напраснаго кровопролитія, предложилъ ему

пълкы Касожьскыми, красному Романови (д) *Святъславличю. Боянъ же, братїе, не і соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщїа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Князем҇ славу рокотаху.*

полками Косожскими, или красному Роману Святославичу. А *Боянъ*, братцы! не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ: но какъ скоро прикасался искусными своими перстами къ живымъ струнамъ, то сїи уже сами славу Князей гласили.

поединокъ. *Мстиславъ* охотно на сїе согласясь, сразился съ нимъ, и одолѣвъ своего сопротивника, лишилъ его жизни. По здѣланному предварительно въ пользу побѣдителя условїю вступивъ во владѣнїе Косоговъ, наложилъ онъ на нихъ дань, завладѣлъ всѣмъ богатствомъ Княжескимъ, а жену и дѣтей его увелъ въ плѣнъ за собою.

Отъ сыновей сего побѣжденнаго Князя *Косожскаго* произошли извѣстныя въ Россїи фамилїи: *Добрынскихъ*, *Зайцовыхъ*, *Бирдюковыхъ*, *Поджегиныхъ*, *Гусевыхъ*, *Елизаровыхъ*, *Симскихъ*, *Хобаровыхъ* и *Глѣбовыхъ*.

(д) *Романъ*, сынъ Князя *Святослава Ярославича*, былъ на удѣлѣ Княженїя Черниговскаго въ Курскѣ. Въ 1079 году согласясь съ Половцами, онъ хотѣлъ отнять Переяславль у Великаго Князя *Всеволода Ярославича*: но наемные союзники его измѣнили ему и заключили особенный миръ съ Великимъ Княземъ *Кїевскимъ*. Когда онъ за сїю измѣну сталъ упрекать Половцевъ, то произошла изъ того ссора, въ которой онъ былъ отъ нихъ убитъ.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сїю отъ стараго Владимера (е) до нынѣшняго Игоря; иже истягну умь крѣпостїю своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънивcя ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ (ж) своей: братїе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братїе, на свои бръзыя комони, да

Начнемъ же, братцы, повѣсть сїю отъ стараго Владимїра до нынѣшняго Игоря. Сей Игорь напрягши умъ свой крѣпостїю, поощривъ сердце свое мужествомъ и исполнясь духа ратнаго, вступилъ съ храбрымъ своимъ воинствомъ въ землю Половецкую для отмщенїя за землю Русскую. Тогда взглянулъ онъ на солнце свѣтлое, и увидѣвъ мракомъ покрытое все войско свое, произнесъ къ дружинѣ своей: „Братья и друзья! „лучше намъ быть изрубленнымъ, нежели достаться „въ плѣнъ. Сядемъ на „своихъ борзыхъ коней,

(е) Равно Апостольный Великїй Князь *Владимїръ Святославичь* просвѣтившїй Русскую землю Святымъ крещенїемъ.

(ж) *Дружиною* назывались отборные и приближенные воины, сопровождавшїе Государей во всѣхъ походахъ.

позримъ синего Дону. Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону ввеликаго. Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону. О Бояне, соловїю стараго времени! абы ты сїа плъкы ущекоталъ, скача славїю по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню (3) чресъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря

„и посмотримъ на синій Донъ„. Пришло Князю на мысль пренебречь худое предвѣщаніе и извѣдать щастья на Дону великомъ. „Хочу, сказалъ онъ, съ вами, Россїяне! переломить копье на „томъ краю поля Половецкаго; хочу или голову свою положить, или шлемомъ изъ „Дону воды достать.„ О Боянъ! соловей древнихъ лѣтъ! тебѣ бы надлежало провозгласить о сихъ подвигахъ, скача соловьемъ мысленно по дереву, летая умомъ подъ облаками, сравнивая славу древнюю съ нынѣшнимъ временемъ мчась по слѣдамъ Трояновымъ чрезъ поля на горы. Тебѣ бы пѣть пѣснь Игорю

(3) Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о *Троянѣ*, т. е. *трола Трояня*, *вѣчи Трояни*, *земля Трояня*, и *седмый вѣкъ Трояновъ*: но кто сей *Троянъ*, догадаться ни по чему не возможно.

соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ дону великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовь (и) внуче! Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ (і) Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на пере-

внуку *Ольгоеу*. Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія, слетаются галки стадами къ Дону великому. Тебѣ бы, мудрый *Боянъ*, внукъ *Велесовъ!* сіе воспѣть. Ржутъ кони за *Сулою*, гремитъ слава въ *Кіевѣ*, трубятъ трубы въ *Новѣгородѣ*, развѣваютъ знамена въ *Путивлѣ*, ждетъ *Игорь* милаго брата *Всеволода*. Богатырь же *Всеволодъ* вѣщаетъ къ нему: „О *Игорь!*
„ты одинъ у меня братъ!
„ты одинъ у меня ясный
„свѣтъ! и мы оба сыновья
„*Святославовы;* ты сѣдлай,
„братъ, своихъ борзыхъ ко-

(и) *Велесъ*, Славянскій въ язычествѣ Богъ, покровитель стадъ. Его считали вторымъ послѣ *Перуна*. По названію *Бояна* внукомъ Велесовымъ, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи Христіянской вѣры.

(ї) *Буй* значитъ *дикій*, а *туръ* вола. И такъ *Буйтуромъ*, или Буйволомъ, называется здѣсь *Всеволодъ* въ смыслѣ Метафори-

ди; а мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копїя въскрьмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь

„ней, а мои для тебя приготовлены и давно у *Курска* осѣдланы. Мои *Курчане* въ цѣль стрѣлять знающи, подъ звукомъ трубъ „они повиты, подъ шлемами возлелѣяны, концомъ „копья вскормлены; всѣ пути имъ свѣдомы, всѣ овраги знаемы, луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, „сабли изострены; они скачутъ въ полѣ какъ волки „сѣрые, ища себѣ чести, „а Князю славы.„ Тогда Князь *Игорь*, вступя въ золотое стремя, поѣхалъ по чистому полю. Солнце своимъ затмѣнїемъ преграждаетъ путь ему, грозная возстав-

---

ческомъ, въ разсужденїи силы и храбрости его. — Вѣроятно, что изъ сихъ двухъ словъ составилось потомъ названїе *богатыря*, ибо другаго произведенїя оному слову до сихъ поръ не найдено.

убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, влъзѣ, и по морїю, и по Сулїю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый блъванъ. А Полоеци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птицъ; подобїю влъци грозу въ срожатъ, по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ (к), лисици

шая ночью буря пробуждаетъ птицъ; ревутъ звѣри стадами; кричитъ филинъ на вершинѣ дерева, чтобъ слышали голосъ его въ землѣ незнаемой, по Волгѣ и по морю, по Сулѣ, по Суражу въ Корсунѣ и у тебя, Тмутараканскїй истуканъ! Половцы бѣгутъ неготовыми дорогами къ Дону великому; скрыпятъ возы въ полуночи, какъ лебеди скликаяся. Игорь къ Дону войска ведетъ; уже птицы бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ вытьемъ своимъ страхъ наводятъ; орлы звѣрей на трупы сзы-

---

Всеволодъ Святославличъ, меньшїй братъ *Игоревъ* превосходилъ всѣхъ своего времени Князей нетокмо возрастомъ тѣла и видомъ, которому подобнаго не было, но храбростїю и всѣми душевными добродѣтелями прославлялся повсюду — *Татищ.* истор. Часть III. стр: 320.

(к) Птичїй полетъ издавна былъ у многихъ народовъ предзнаменованїемъ щастїя или нещастїя въ предпрїятомъ намѣренїи; и Рим-

брешуть на чръленыя щиты. О руская земле! уже за Шеломянемъ (л) еси. Длъго. Нось мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

вають, а лисицы лають на багряные щиты. О Рускіе люди! далеко уже вы за Шеломенемъ. Ночь меркнетъ, свѣтъ зари погасаетъ, мглою поля устилаются, пѣснь соловьиная умолкаетъ, говоръ галокъ начинается. Преградили Россіяне багряными щитами широкія поля, ища себѣ чести, а Князю славы.

Съ заранія въ пятокъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и дра-

На зарѣ въ Пятницу разбили они Половецкіе нечестивые полки, и разсыпавшись какъ стрѣлы по полю, увезли красныхъ Половецкихъ дѣвицъ, а съ ними золото, богатыя

ляне гадали по птицамъ. Равномѣрно примѣчали, въ которую сторону слетались хищныя птицы, и тамъ неминуемой предполагали быть гибели людской. Волчій вой также предвѣщалъ кровопролитную войну.

(л) Русское село въ области Переяславской на границѣ къ Половцамъ лежащее близь рѣки *Ольты*. *Татищ.* Часть III. стр. 120.

гыя оксамиты; орьтъмами и японтицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружїе (м) храброму Святьславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрьный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ (н) ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

ткани, и дорогїя бархаты. Охабнями, плащами, шубами и всякими Половецкими нарядами, по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка и серебреное древко достались отважному Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣвъ. Не родилось оно обидъ терпѣть ни отъ сокола, ни отъ кречета, ни отъ тебя, черный воронъ, нечестивый Половчанинъ! Бѣжитъ Гзакъ сѣрымъ волкомъ, а въ слѣдъ за нимъ и Кончакъ спѣшитъ къ Дону великому.

(м) Воинскїе почетные доспѣхи.

(н) *Гзакъ* и *Кончакъ*, оба Половецкїе Князья, предводительствовавшїе тогда войскомъ своимъ противъ Князя *Игоря*.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чрьныя тучя съморя идутъ, хотятъ прикрыти Д҃ солнца: а въ нихъ трепещуть синїи млънїи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копїемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ! уже не Шеломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи (о) внуци, вѣютъ съморя стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаго-

На другой день весьма рано, заря съ кровавымъ свѣтомъ появляется, находятъ съ моря тучи черныя, хотятъ закрыть четыре солнца; сверкаетъ въ нихъ молнїя, быть грому страшному, литься дождю стрѣлами съ Дона великаго. Тутъ-то копьямъ поломаться, тутъ-то саблямъ притупиться объ шлемы Половецкїе, на рѣкѣ Каялѣ, у Дону великаго. О Русскїе люди! уже вы за Шеломенемъ. Уже вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы; топотъ по землѣ раздается, вода въ рѣкахъ мутится, пыль столбомъ въ полѣ подымается,

(о) *Стрибогъ* (Славенскїй Эолъ) кумиръ во время язычества въ Кїевѣ Боготворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами.

лютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты. Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе Яръ Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова,

знамена шумятъ, идутъ Половцы отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ: войско Русское подалось назадъ. Бѣсовы дѣти оградили станъ свой крикомъ, а храбрые Россіяне багряными щитами. О богатырь Всеволодъ! ты стоя на стороже, градомъ пускаешь стрѣлы на враговъ своихъ, а булатными мечами гремишь объ шлемы ихъ. Гдѣ ты, богатырь, ни появишся, блистая золотымъ своимъ шлемомъ, тамъ лежатъ нечестивыя головы Половецкія, и разсѣчены булатными саблями Оварскіе шлемы ихъ отъ тебя, храбрый Всеволодъ! Какими, братцы, ранами подорожитъ онъ, забывъ почести и веселую жизнь, городъ Черниговъ,

отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны (п) свычая и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля (р); были плъци Олговы (с),

отеческой золотой престолъ, всѣ милыя прихоти, обычаи и привѣтливость прекрасной своей супруги Глѣбовны! Прошли съѣзды Трояновы, протекли лѣта Ярославовы, миновались брани Олеговы,

(п) Супруга *Всеволода Святославича*, брата *Игорева*, Дочь Князя *Глѣба Юрьевича* Переяславскаго.

(р) Тритцати-пяти-лѣтнее Государствованїе *Ярослава I* надолго оставалось памятнымъ для Россїянъ. Храбрость его превозносима была за одержанныя имъ многократныя побѣды надъ братоубїйцею *Святополкомъ* и надъ *Тьмутараканскимъ* Княземъ *Мстиславомъ*, за отобранїе у Польскаго Короля *Болеслава* принадлежавшихъ Россїи *Червенскихъ* городовъ и за покоренїе *Лифляндїи* и *Эстляндїи*. Не менѣе того и мудрость *Ярославова* славилась въ потомствѣ: онъ построилъ по рѣкѣ *Рси* и за *Днѣпромъ* многїе города, населивъ пришельцами и плѣнниками; набожностїю своею укоренилъ онъ въ Россїи православную вѣру, родителемъ его насажденную, и старался распространить ученость, приказавъ съ Греческаго переводить лучшїя книги и нѣсколько оныхъ для народа по Русски сочинить.

(с) Князь *Олегъ Святославичь*, бывшїй съ 1065 по 1114 годъ на Тьмутараканскомъ Княженїи. Безпокойный нравъ его и склонность къ возмущенїямъ много навлекли зла на землю Рускую. Половцы всегда были орудїемъ замысловъ его. Онъ многократно приглашалъ ихъ на разоренїе своего отечества, и вмѣсто платы за вспоможенїе, попускалъ имъ опустошать и грабить повсюду. Въ 1096 году Русскїе Князья рѣшились усмирить его, и соединенно выступили противъ него со многочисленнымъ войскомъ; но по причинѣ всегда вѣроломныхъ съ его стороны примиренїй едва могли удержать алчность его, предписавъ ему съ братьями

Ольга Святьславлича. *Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь (т) сынъ Всеволожь: а Владимiръ (у) по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича (ф) слава.*

Олега Святославича. Сей - то *Олегъ* мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ. Онъ ступалъ въ золотое стремя въ городѣ *Тмуторокани*; звукъ побѣдъ его слышалъ старый великiй *Ярославъ* сынъ *Всеволодовъ*: но *Владимiръ* затыкалъ себѣ уши всякое утро въ Черниговѣ; *Бориса же Вячеславича* слава

своими довольствоваться владѣнiемъ *Чернигова, Сѣверы, Вятичей, Мурома* и *Тмутаракани*, которыя состояли за отцемъ его.

(*т*) Князь *Ярославъ*, сынъ Князя *Всеволода Ольговича*, съ 1174 по 1200 годъ Княжествомъ *Черниговскимъ* обладавшiй.

(*у*) Князь *Владiмиръ Всеволодовичь*, бывшiй потомъ Великимъ Княземъ Кiевскимъ и прóименованiе *Мономаха* получившiй, въ 1094 году лишась Черниговскаго Престола отъ вышеупомянутаго Тьмутараканскаго Князя *Ольга Святославича*, принужденъ былъ остаться на удѣлъ въ *Переяславлѣ*.

(*ф*) Сей *Борисъ* по Ростовской и Никоновской лѣтописямъ *Вячеславичемъ*, а у Нестора и Татищева *Святославичемъ* названъ, и въ поколѣнной I. росписи Г. Стриттера Исторiи Россiйскаго

на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Святоплъкъ (х) *повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи* (ц) *сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь*

на судъ привела, онъ положенъ на конскую попону зеленую за обиду молодаго храбраго Князя *Олега.* Съ той же Каялы велъ *Святололкъ* войски отца своего сквозь Венгерскую конницу въ Кіевъ ко святой Софіи. Тогда при *Олегѣ Гориславичѣ* сѣялись и возрастали междоусобія, была гибель

Государства въ 7 степени показанъ *Борисомъ Вячеславичемъ.* Но по чему онъ призыванъ былъ на судъ Великаго Князя, Лѣтописи о семъ умолчали.

Обрядъ же съѣздовъ для суда *Татищевъ* (Історіи своей въ Томѣ 2. на стр. 195 и 196) изъясняетъ слѣдующимъ образомъ: что обвиняемый призыванъ былъ въ шатеръ, гдѣ всѣ Князья сидѣли на коврѣ, и по обыкновенномъ поздравленіи сажали его на такой же коверъ. По томъ всѣ Князья вышедъ изъ шатра, садились на коней, и раздѣлясь, каждой Князь особо разсуждалъ съ своими Боярами, а судимый оставался одинъ, по тому что никто его къ себѣ не допускалъ.

(х) Пять исчисляется *Святополковъ*; до котораго же изъ нихъ касается сіе обстоятельство, ничѣмъ не объяснено.

(ц) Неизвѣстенъ.

Даждь-Божа (ч) внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати, и въ ты плъкы; а сице и рати не слышано: съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя; гримлютъ сабли о шеломы; трещатъ копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты, костьми

Даждь-Божевымъ внукамъ, жизнь людей въ Княжескихъ ссорахъ прекращалася, и въ Русской землѣ рѣдко веселіе земледѣльцовъ раздавалося: но часто каркали вороны; дѣля между собою трупы; галки же отлетая на мѣсто покормки, перекликалися. Такъ бывало во время прежнихъ браней и отъ тогдашнихъ войскъ; а такого сраженія еще и не слыхано, чтобъ съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летали стрѣлы каленыя, гремѣли сабли объ шлемы, трещали копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ среди земли Половецкой. Черная земля подъ копытами

(ч) Кумиръ, въ Кіевѣ боготворимый, — податель всякихъ благъ. Пользующіеся благоденствіемъ, какъ даромъ Даждь-божевымъ, названы его внуками.

была посѣяна, а кровїю польяна; тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднїю падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту криваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую (ш) *Ничить трава жало-*

костьми была посѣяна; а кровїю полита, и по всей Русской землѣ возрасла бѣда. Но что за шумъ, что за звукъ такъ рано, до зари утренней? Игорь двигнулся съ своими полками: жаль ему милаго брата *Всеволода*. Билися день, бились другой, а на третїй передъ полуднемъ пали знамена *Игоревы*. Тутъ братья разлучилися на берегу быстрой *Каялы*. Не достало у нихъ вина криваваго; храбрые Руссы тамъ пиръ свой кончили, сватовъ попоили, а сами полегли за землю Русскую. Увяла трава отъ жалости, наклонились

(ш) *Половцы* возгордясь побѣдою и взятїемъ въ плѣнъ Игоря съ товарищи, прислали къ Великому Князю Святославу купцовъ Русскихъ съ росписью, сколько за кого требовали окупа. За *Игоря* положили они цѣну по тогдашнему времени несносную, а именно 2000 гривенъ (фунтовъ) серебра; и хотя Великїй Князь Кїевскїй, любя его, хотѣлъ выкупить, но *Половцы* инако на сїе не согла-

щами, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Троянию; въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица Княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша Князи про малое, се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую О! да-

деревья отъ печали. Невеселая уже, братцы, пора пришла: пала въ пустынѣ сила многая, возстала обида Даждь-Божевымъ внукамъ. Она вступивъ дѣвою на землю *Троянову*, восплескала крылами лебедиными, на синемъ морѣ у Дону купаючись, разбудила времена тяжкія. Перестали Князья нападать на невѣрныхъ, братъ брату сталъ говорить: „сіе мое, и то моеже„ Начали Князья за малое, какъ будто бы за великое, ссориться и сами на себя крамолу ковать. Тѣмъ временемъ нечестивые со всѣхъ сторонъ стекалися на одолѣніе Русской земли. О!

шались какъ требуя, дабы прежде младшіе Князья всѣ и Воеводы были выкуплены по назначенной въ росписи цѣнѣ. — *Татищ:* III. стр. 266, 269.

лече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не кръсити (щ). *За нимъ кликну Карна и Жля* (ъ), *по скочи по Руской земли, смагу* (ы) *мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслїю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братїе, Кїевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разлїяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли*

далеко залетѣлъ ты соколъ, побивая птицъ у моря; а Игорева храбраго войска уже не воскресити! Воскликнули тогда Карня и Жля, и прискакавъ въ землю Русскую стали томить людей огнемъ и мечемъ. Зарыдали тутъ жены Русскія, приговаривая: „уже намъ объ милыхъ своихъ ни мыслїю „взмыслити, ни думою вздумати, ни глазами ихъ увидѣть, а золота и серебра не „возвратить„. Возстеналъ братцы, Кїевъ отъ печали, а Черниговъ отъ напасти; разлилась тоска по всей Русской земли; тяжкая пе-

---

(щ) Ясное здѣсь знаменованїе глагола *крешу* доказываетъ, что слово *Воскресенїе* точно отъ того происходитъ.

(ъ) *Карня* и *Жля* предводители хищныхъ Половцевъ, безъ милосердїя разорявшихъ тогда землю Русскую.

(ы) *Смага*, Малороссїйское названїе, *жажда*, и отъ того говорится: сохнетъ, *смягнетъ во рту*.

Рускый; а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный Великый Кіевскый. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссущи потоки и болота, а поганаго Кобяка (ъ) изъ

чаль постигла Русскихъ людей. Князья между собой враждовали, а нечестивые рыская по землѣ Русской, брали дань по бѣлкѣ со двора. Сіи-то два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, возобновили злобу, которую прекратилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ, Великій Князь Кіевскій. Онъ былъ страшенъ всѣмъ, отъ сильнаго воинства и отъ булатныхъ мечей его всѣ трепетали, наступилъ онъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и буераки, помутилъ воду въ рѣкахъ и озерахъ, изсушилъ источники и болота, а нечестиваго Кобяка изъ луки мор-

(ъ) *Кобякъ* Князь Половецкій, котораго Великій Князь *Святославъ* III. въ 1184 году не подалеку рѣки *Орла* побѣдилъ на сраженіи, взялъ его самаго въ плѣнъ съ двумя сыновьями и съ другими Князьями и семь тысячь войска его.

луку (ѣ) моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кїевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю каютъ Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкїя, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощїево (э); уныша бо градомъ забралы, а веселїе пониче. А

ской, изъ средины желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, подобно вихрю, исторгнулъ; и очутился Кобякъ въ городѣ Кїевѣ во дворцѣ Святославовомъ. Тамъ Нѣмцы и Венецїане, тамъ Греки и Моравцы воспѣваютъ славу Святославу и охуждаютъ Князя Игоря, погрузившаго силу на дно Каялы, рѣки Половецкїя, и потопившаго въ ней Руское золото. Тогда Игорь Князь изъ своего золотаго сѣдла пересѣлъ въ сѣдло Кащеево. Уныли въ то время городскїя стѣны, помрачилося веселїе. Святославу же

(ѣ) *Лука*, кривизна, излучина.

(э) О *Кощеѣ* упоминается въ Исторїи Татищева Том. III. на стр. 159: что онъ въ 1168 году, когда Великїй Князь Мстиславъ II отправился съ войскомъ противъ Половцевъ, перебѣжалъ къ нимъ и предварилъ ихъ о семъ наступленїи.

Сеятъславь (ю) мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ. Чрьпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златоврьсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху, у Плѣсньска (я) на болони (ѳ) бѣша дебрь Ки-

худой сонъ привидѣлся: „на горахъ Кіевскихъ въ ночь сію съ вечера одѣвали вы меня (онъ Боярамъ разсказывалъ) чернымъ покровомъ на тесовой кровати; подносили мнѣ синее вино съ ядомъ смѣшанное; сыпали изъ пустыхъ колчановъ на лоно мое крупный жемчугъ въ нечистыхъ раковинахъ, и меня нѣжили. На златоверхомъ моемъ теремѣ будтобъ всѣ доски безъ верхней перекладины; будтобъ во всю ночь съ вечера до свѣта вороны-каркали, усѣвшись у Плѣнска на выгонѣ въ дебри

(ю) Великій Князь Святославъ III, сынъ Всеволода II, обладавшій Кіевомъ во время случившагося съ Княземъ Игоремъ нещастія.

(я) Городъ Галичскаго Княженія, смежный съ Владимірскимъ на Волынѣ — *Татищ*. Часть III. стр. 287 и 288.

(ѳ) *Болтинъ* въ критич. примѣч. на 2 Томъ Исторіи Кн. Щербатова на стр. 194 и 195 извѣщаетъ: „Болонье значитъ порожжее

саню, и не сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя (г), а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опустоша въ путины желѣзны.

Кисановой, и не полетѣли къ морю синему. „Бояре Князю отвѣчали. „одолѣла печаль умы наши! сонъ сей значитъ: что слетѣли два сокола съ золотаго родительскаго Престола доставать города Тьмутаракани, или шлемомъ изъ Дона напиться воды, и что тѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечестивыхъ, и сами они попались въ опутины желѣзныя„.

„пространство между валовъ, окрестность города составляю„щихъ, которое служило для выгону скота, для огородовъ, а „иногда и нѣкоторые строенія бывали тамъ дѣланы„ — Въ Кіевѣ, въ Нижнемъ городѣ выгонная за валомъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю, и по нынѣ называется *Оболонье.*

(г) Тьмутараканское Княженіе до тѣхъ только поръ состояло въ полной власти и принадлежало Россіи, пока единоначаліе имѣло еще нѣкоторую силу; но какъ скоро междоусобія и неподчиненность удѣльныхъ Князей къ первопрестольному Кіевскому Князю превзошли мѣру, то Половцы, усилившись отъ сихъ несогласій, завладѣли Тьмутараканью. — Смотри Истор. Изслѣд. о Тьмутараканскомъ Княженіи, печат. въ С. Петербургѣ 1794.

Темно бо бѣ въ г҃ день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивь на землю. Се бо Готскія (а) красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бу-

Темно стало на третій день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы, *Олегъ* и *Святославъ*, помрачилися. На рѣкѣ Каялѣ свѣтъ въ тьму превратился; разсыпались Половцы по Русской землѣ, какъ леопарды изъ логовища вышедшіе; погрузили въ безднѣ силу Русскую и придали Хану ихъ великое буйство. Уже хула превзошла хвалу; уже насиліе возстало на вольность; уже филинъ спустился на землю. Раздаются пѣсни Готфскихъ красныхъ дѣвицъ по берегамъ моря синяго. Звеня Русскимъ золотомъ, воспѣваютъ онѣ времена Бу-

(*а*) По какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла доставить Готфскимъ дѣвамъ Русское золото, сообразить не возможно.

сово, лелѣютъ месть Шароканю (6). *А мы уже дружина жадни веселія. Тогда Великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего*

совы, славятъ мщеніе Шураканово. А намъ уже, братцы, нѣтъ веселія! Тогда Великій Князь *Святославъ* вымолвилъ золотое слово, со слезами смѣшанное: „О! „кровные мои, *Игорь* и *Всево-* „*лодъ!* рано вы начали вое- „вать землю Половецкую, а „себѣ славы искать. Нечест- „но ваше одолѣніе, не пра- „ведно пролита вами кровь не- „пріятельская. Ваши храбрыя „сердца изъ крѣпкаго булата „скованы и въ буйствѣ зака- „лены. Сего ли я ожидалъ отъ „васъ при сребристой сѣ- „динѣ моей! Я уже не вижу „власти сильнаго, богатаго „и многовойнаго брата моего

---

(6) Кто былъ *Бусъ*, не извѣстно; а о *Шураканѣ*, въ Лѣтописяхъ подъ 1107 годомъ упоминается, что по имени сего *Князя* названъ былъ Половецкій на рѣкѣ *Донцѣ* городъ, съ котораго въ 1111 году Русскіе взяли окупъ. *Татищ.* часш. II стран. 204.

Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тіи бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте му жа имѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло Княже ми не пособіе; на ниче ся годины обратиша Се Уримъ (в) кричатъ подъ саблями Половецкыми, а

,,*Ярослава* съ Черниговскими ,,Боярами, съ Могутами и съ ,,Татранами, съ Шелбирами ,,и съ Топчаками, съ Ревугами ,,и съ Ольберами. Они безъ ,,щитовъ съ кинжалами, однимъ криком побѣждаютъ ,,войска, гремя славою прадѣдовъ. Не говорятъ они, ,,мы де сами предстоящую ,,славу похитимъ, а прошедшею съ другими подѣлимся. Но мудрено ли, братцы, и старому помолодѣть? ,,Когда соколъ перелиняетъ, ,,тогда онъ птицъ высоко ,,загоняетъ и не даетъ въ ,,обиду гнѣзда своего. Но то ,,бѣда, что мнѣ Князья не въ ,,пособіе, время все переиначило,,. Уже кричитъ Уримъ подъ саблями Половецкими, а

(в) Одинъ изъ Воеводъ, или изъ союзниковъ Князя Игоря, въ семъ сраженіи участвовавшій

Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову (г). *Великый Княже Всеволоде* (д)! *не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кощей* (е) *по резанѣ* (ж).

Володимiръ подъ ранами. Горе и печаль сыну *Глѣбову!* О великiй Князь *Всеволодъ!* почто не помыслишь ты прилетѣть издалека для защиты отеческаго золотаго Престола? Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ шлемами вычерпать. Когда бы ты здѣсь былъ, тобъ были *Чага* по ногатѣ, а *Кощей* по резани. Ты можешь

(г) Кого сочинитель сей поэмы разумѣетъ подъ именемъ сына *Глѣбова*, рѣшительно сказать не льзя; ибо изъ современниковъ сему произшествiю сыновья, отъ Князей Глѣбовыхъ рожденные, были: *Владимiръ*, сынъ Князя Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславлѣ; *Ростиславъ*, сынъ Князя Глѣба Всеславича, княжившаго въ Полоцкѣ; *Романъ*, сынъ Князя Глѣба Ростиславича, княжившаго въ Рязанѣ.

(д) Сiе относится къ Великому Князю *Всеволоду* III сыну Князя *Ольга Святославича* Тьмутараканскаго.

(е) О *Кощеѣ* предъ симъ уже упомянуто; а *Чага* уповательно тоже что и *Кончакъ* Князь Половецкiй (о коемъ ниже упомянется) уменшителнымъ либо презрителнымъ именемъ названный.

(ж) *Ногата* ходячая монета, коихъ въ кунѣ было 4, а въ гривнѣ кунами 80. — *Рязанъ* также самая мѣлкая монета изъ ходячихъ, и по соображенiю кажется состояло ихъ въ векощѣ 4, а векошей въ ногатѣ 2. — *Правда Русская* стр. 18.

Ты бо можеши посуху живыми шереширы (з) стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде (и), не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита Господина въ злата стремень за обиду сего

на сухомъ пути живыми шереширами стрѣлять чрезъ удалыхъ сыновъ *Глѣбовыхъ*. О вы храбрые *Рюрикъ* и *Давидъ*! Не ваши ли позлащенные шлемы въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, подобно воламъ израненымъ саблями булатными въ полѣ незнаемомъ? Вступите, Государи, въ свои златыя стремена за обиду сего времени, за

(з) Неизвѣстный уже нынѣ воинскій снарядъ. Можетъ быть, родъ пращи, которою каменья метали, или какое либо огнестрѣльное орудіе; ибо въ Лѣтописяхъ сего времени упоминается: „что „въ 1185 году *Кончакъ* Князь Половецкій собравъ войско вели„кое, пошелъ на предѣлы Русскіе, имѣя съ собою мужа умѣюща„го стрѣлять огнемъ, у коего были самострѣльныя туги такъ „велики, что едва восемь человѣкъ могли натягивать, и укрѣ„пленъ былъ на возу великомъ, чемъ онъ могъ бросать и ка„менія въ средину града въ подъемъ человѣку: а для метанія „огня имѣлъ особый малѣйшій возъ. — *Татищ.* Часть III. стр. 259.

(и) Современные сему произшествію Князья *Рюрикъ* и *Давыдъ*, сыновья Великаго Князя *Ростислава Мстиславича*.

времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича! Галичкы Осмомыслѣ Ярославе (ї) *высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; оттворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй Господине Кончака, поганого Кощея за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святславлича.*

землю Русскую, за раны *Игоря*, храбраго *Святославича*. А ты Осмомыслъ *Ярославъ Галицкій!* высоко сидишь на своемъ златокованномъ Престолѣ. Ты подперъ горы Венгерскія своими полками желѣзными, ты заградилъ путь Королю, ты затворилъ Дунаю ворота, бросая тягости чрезъ облака, и простирая власть свою до той рѣки! Грозное имя твое разнеслось по всѣмъ землямъ; отверзтъ тебѣ путь къ Кіеву, стрѣляешь ты съ отеческаго золотаго Престола на Солтановъ въ земли дальнія. Стрѣляй, о Государь! въ *Кончака* и въ невѣрнаго *Кощея* за землю Русскую, за раны храбраго *Игоря Святославича*.

(ї) Князь *Ярославъ*, сынъ Князя Владиміра Володарича Галичскаго.

А ты буй Романе и Мстиславе (к)! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю

А вы, о храбрые *Романъ* и *Мстиславъ!* ваша мысль твердая возноситъ умъ на подвиги. Вы отважно возвышаетесь въ предпріятіяхъ своихъ подобно соколу, на вѣтрахъ ширящемуся и къ одолѣнію птицы быстро стремящемуся. У васъ латы

(к) Великій Князь *Романъ*, сынъ Великаго Князя Ростислава Мстиславича Сей Князь въ 1173 году, въ продолженіе войны своей противъ Литвы, такой страхъ и опустошеніе распространилъ тамо, что никто не смѣлъ противостать ему. Литовцы бѣгая отъ него, укрывались въ лѣсахъ. По возвращеніи изъ похода своего, множество плѣнныхъ роздалъ онъ по селамъ въ работы и приказалъ ими пахать. Отъ сего произошла въ Литвѣ пословица: *зле, Романе! робишь, что Литвиномъ орешь. Татищ.* Часть III. стр. 183.

Подъ именемъ же *Мстислава* здѣсь разумѣть должно Князя *Мстислава Ростиславича*, роднаго брата вышепомянутому Князю *Роману*. Онъ равномѣрно явилъ опыты храбрости своей противъ Великаго Князя *Андрея Юрьевича Боголюбскаго*. Ибо осажденъ будучи въ Вышеградѣ многочисленнымъ войскомъ и находясь въ крайней опасности, такъ благоразумно и отважно принялъ свои мѣры, что войско непріятелей своихъ, въ которомъ находилось до двадцати союзныхъ Князей, разбилъ и прогналъ.

желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя поврѣгоща, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти Княже кличетъ, и зоветь Князи на побѣду. Олговичи (л) храбрыи Князи доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи (м), не худа гнѣзда

желѣзныя подъ шлемами Латинскими. Потряслась отъ нихъ земля, и многія страны Ханскія. Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы повергнувъ свои копья, подклонили свои головы подъ тѣ мечи булатные. Но для Князя *Игоря* помрачился уже свѣтъ солнечный; не отъ добра опали съ деревъ листы. По Роси и по Сулѣ города въ раздѣлъ пошли; а *Игореву* храброму полку не воскреснути! О Князь! Донъ тебя кличетъ и Князей на побѣду созываетъ. Храбрые Князи *Ольговичи* на брань поспѣшили. *Ингварь* и *Всеволодъ*, и всѣ трое *Мстиславичи*, не худаго

(л) Князья, отъ Князя *Ольга Святославича* поколѣніе свое ведущіе.

(м) Потомки Великаго Князя *Мстислава Владиміровича*, *Мономахова* сына. У *Мстислава* было пять сыновей.

шестокрилци, непобѣдными жребіи собѣ власти расхытисте? Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславлича. Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ (*н*) *сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрела славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кро-*

гнѣзда шестокрилицы, не побѣдамиль жребій власти вы себѣ доставили? Къ чему же вамъ золотые шлемы, копья и щиты Польскіе! Заградите въ поле ворота стрѣлами своими острыми, вступитесь за землю Русскую, за раны храбраго *Игоря Святославича*. Уже Сула не течетъ серебристыми струями къ городу Переяславлю; Двина уже болотомъ течетъ къ тѣмъ грознымъ Половчанамъ при восклицаніи нечестивыхъ. Одинъ только *Изъяславъ* сынъ *Васильковъ* позвенѣлъ своими острыми мечами по шлемамъ Литовскимъ; помрачилъ славу дѣда своего *Всеслава*, и самъ подъ багряными щитами на

(*н*) О бѣдственной участи Князя *Изяслава* лѣтописатели Русскіе умолчали.

вавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе, и вси внуце Всеславли (о) уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней

окровавленной травѣ погибъ отъ мечей Литовскихъ. На семъ-то одрѣ лежа, произнесъ онъ: „Дружину твою, „Князь, птицы пріодѣли „крыльями, а звѣри кровь „полизали„. Не было тутъ братьевъ ни *Брячислава*, ни *Всеволода*; онъ одинъ испустилъ жемчужную свою душу чрезъ золотое ожерелье изъ храбраго тѣла. Уныли голоса; поникло веселіе. Затрубили трубы Городенскія. О *Ярославъ* и всѣ внуки *Всеславовы!* теперь приклоните вы свои знамена, вложите въ ножны мечи ваши поврежденные; далеко уже отстали вы

(о) Много было внуковъ Всеславовыхъ: *Рогвольдъ* сынъ Князя Бориса Всеславича, имѣвшій удѣлъ въ Полоцкѣ. *Володарь* и *Ростиславъ*, сыновья Глѣба Всеславича: первый такъ же удѣломъ въ Полоцкѣ пользовался, а другой въ Минскѣ. *Брячиславъ* сынъ Князя Мстислава Всеславича, и *Всеславъ* сынъ Князя Давыда Всеславича.

славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насилїе отъ земли Половецкыи! На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребїй о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружїемъ злата стола Кїевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ, утръ же воззни стрикусы (л) оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

отъ славы дѣда вашего. Вы своими крамолами начали наводить невѣрныхъ на землю Русскую, на жизнь *Всеславову*. Былоль какое насилїе отъ земли Половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ метнулъ *Всеславъ* жребїй милой ему дѣвицѣ. Онъ подпершись клюками сѣлъ на коней, поскакалъ къ городу Кїеву и коснулся древкомъ копья своего до золотаго престола Кїевскаго; потомъ побѣжалъ онъ лютымъ звѣремъ въ полуночи изъ Бѣла-города, закрывшись мглою синею; по утру же вонзивъ стрикусы, отворилъ онъ ворота Новгородскїя, попралъ славу *Ярослава*, и съ Дудутокъ пустился какъ волкъ до Немиги.

(л) По смыслу рѣчи *стрикусъ* не иное что какъ стѣнобитное орудїе, или родъ тарана, при осадѣ городскихъ воротъ употребляемаго.

На Немизѣ (р) сноПы стелютъ головами, молотятъ чеПи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше (с). Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа

На Немегѣ вмѣсто сноповъ стелютъ головы, молотятъ цѣпами булатными, на токѣ жизнь кладутъ, и вѣютъ душу отъ тѣла. Окровавленные Немигскіе берега не быліемъ были засѣяны, засѣяны костьми Русскихъ сыновъ. Князь *Всеславъ* людей судилъ, Князьямъ города раздавалъ, а самъ по ночамъ какъ волкъ рыскалъ изъ Кіева до Курска и до Тмуторокани. Для него въ Полоцкѣ рано позвонили въ колокола къ заутрени у Святой Софіи: а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и мудрая была душа въ неутомимомъ

(р) *Немига*, что нынѣ *Неменъ*, между *Минска* и *Полоцка*. — *Татищ*. II. Част. 119 стр.

(с) Не вразумительно.

въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и прѣвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути (т). *О! стонати Руской земли, помянувше прѣвую годину, и прѣвыхъ Князей. Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, коліа поютъ на Дунаи.*

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь, рано кычеть: полe-

его тѣлѣ, но онъ часто отъ бѣдъ страдалъ. Для такихъ-то мудрый *Боянъ* издавна составилъ сей разумный припѣвъ: „какъ бы кто „хитръ, какъ бы кто умснъ „ни былъ, хоть бы птицей „леталъ, но суда Божїя не „минетъ„. О! стонать тебѣ, земля Русская, вспоминая прежнїя времена и прежнихъ Князей своихъ. Стараго *Владиміра* не льзя было приковать къ горамъ Кїевскимъ. Теперь знамена его достались одни *Рюрику*, а другїя *Давыду*; ихъ носятъ на рогахъ, вспахивая землю; копья же на Дунаѣ славятся.

Ярославнинъ голосъ слышится; она, какъ оставленная горлица, по утрамъ воркуетъ: „полечу

(т) Вѣроятно что сей припѣвъ подлинникомъ внесенъ сюда изъ *Бояновыхъ* пѣсней.

тю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна (у) рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею-не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣюси корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселïе по ковылïю развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, аркучи: о Днепре

„я, говоритъ, горлицею „по Дунаю, обмочу бобровой рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ, оботру Князю кровавыя раны на твердомъ его „тѣлѣ„. *Ярославна* по утру плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ приговаривая: „О вѣтеръ! вѣтрило! къ чему ты такъ сильно вѣешь? „къ чему навѣваешь легкими „своими крылами Хиновскïя „стрѣлы на милыхъ мнѣ воиновъ? или мало тебѣ горъ „подъ облаками? Развѣвай ты „тамо, лелѣя корабли на синемъ морѣ! Но за что развѣялъ ты, какъ траву ковыль, „мое веселïе?„ *Ярославна* по утру плачетъ, и сидя на городской стѣнѣ въ Путивлѣ приговариваетъ: „О славный „Днѣпръ! ты пробилъ горы,

(у) Супруга Князя *Игоря Святославича*, дочь Князя *Ярослава Владимировича* Галичскаго.

словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: възлелѣй. господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже тугою имъ тули затче.

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую,

,,каменныя сквозь землю Половецкую; ты носилъ на себѣ *Святослововы* военныя ,,суда до стану *Кобякова*: ,,принеси же и ко мнѣ моего милаго, чтобъ непосылать мнѣ ,,къ нему слезъ своихъ по утрамъ на море.,, *Ярославна* плачетъ поутру въ Путивлѣ, и сидя на городской стѣнѣ приговариваетъ: ,,О свѣтлое ,,и пресвѣтлое солнце! для ,,всѣхъ ты тепло и красно: ,,но къ чему ты такъ уперло ,,знойные лучи свои на милыхъ ,,мнѣ воиновъ? Къ чему въ полѣ ,,безводномъ, муча ихъ жаждою, засушило ихъ луки, и ,,къ горести колчаны ихъ закрѣпило?,,

Взволновалось море въ полуночи; мгла столбомъ подымается; Князю *Игорю* Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую,

къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслїю поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ (ф) свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горнастаемъ къ тростїю, и бѣлымъ

къ золотому престолу отеческому. Погасла заря вечерняя; *Игорь* лежитъ, *Игорь* не спитъ, *Игорь* мысленно измѣряетъ поля отъ великаго Дона до малаго Донца. Къ полуночи приготовленъ конь. *Овлуръ* свиснулъ за рѣкою, чтобъ Князь догадался. Князю *Игорю* тамо не быть. Застонала земля, зашумѣла трава; двинулись заставы Половецкїя, а *Игорь* Князь горностаемъ побѣжалъ къ тростнику; и бѣлымъ

(ф) Въ Россїйскихъ лѣтописяхъ онъ названъ *Лаверъ*, чиновникъ Половецкїй; его мать была Русская. Когда *Лаверъ* здѣлалъ предложенїе Князю *Игорю* способствовать ему въ побѣгѣ, то онъ сперва не понадѣялся на него; но послѣ будучи удостовѣренъ отъ конюшаго своего и отъ Тысяцкаго въ честности и расторопности его, согласился уйти съ нимъ. И такъ въ назначенный день *Игорь* напоивъ до пьяна приставленную къ нему стражу, когда всѣ погружены были въ крѣпкомъ снѣ, прошелъ тихо чрезъ Половецкїя заставы, и переплывъ чрезъ рѣку, ускакалъ на приготовленномъ ему отъ *Лавра* конѣ. *Татищ.* Часть III. стр. 270.

гоголемъ (x) *на воду; вверъжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ вълкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вълкомъ потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя бързая комоня. Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа. Игорь рече, о Донче! не мало ти величія,*

гоголемъ пустился по водѣ. Онъ помчался на борзомъ конѣ, и скочивъ съ него босымъ волкомъ побѣжалъ къ лугу Донецкому; летѣлъ соколомъ подъ облаками, побивая гусей и лебедей къ завтраку, къ обѣду и къ ужину. Когда *Игорь* соколомъ полетѣлъ, тогда *Овлуръ* (*Лаверъ*) волкомъ побѣжалъ, отрясая съ себя росу холодную; ибо утомили они своихъ борзыхъ коней. „О! „Князь *Игорь!*„ вѣщаетъ ему рѣка *Донецъ*, „не мало для „тебя славы, для *Кончака* „досады, а для Русской зе„мли веселія.„ *Игорь* въ отвѣтъ къ рѣкѣ сказалъ: „О „*Донецъ!* не мала и для

(x) Красивая утка съ хохломъ питающаяся раковинами, за которыми она отмѣнно предъ прочими ныряетъ.

лелѣявшу Князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнїю зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрьнядьми на ветрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростислава (ц) по уноши Князи Ростиславѣ. Уныша

,,тебя слава, нося Князя по ,,волнамъ своимъ, постилая ,,ему зеленую траву на сво,,ихъ сребристыхъ бере,,гахъ, одѣвая его теплыми ,,мглами подъ тѣнью дере,,ва зеленаго, и охраняя его ,,какъ гоголя на водѣ, какъ ,,чайку на струяхъ, какъ ,,Чернядей на вѣтрахъ. Не ,,такова, примолвилъ онъ, ,,рѣка Стугна! Она пагуб,,ными струями пожираетъ ,,чужїя ручьи, и разбиваетъ ,,струги у кустовъ.,, Юному Князю *Ростиславу* затворилъ *Днѣпръ* берега темныя. Плачется мать *Ростиславова* по юномъ Князѣ *Ростиславѣ*. Увяли

(ц) Юный Князь *Ростиславъ* сынъ Великаго Князя *Всеволода* I и Великїя Княгини *Анны*, дочери Половецкаго Князя утонулъ на рѣкѣ *Стугнѣ* 1093 года, когда тамъ разбиты были Россїйскїя войска отъ Половцевъ.

цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило, а не сорокы втрокоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозїю ползоша только, дятлове текотомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловїи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею (ч). И рече

цвѣты отъ жалости, преклонились къ землѣ деревья отъ печали. Не сороки стрекочутъ, ѣздитъ по слѣдамъ Игоревымъ *Гзакъ* и *Кончакъ*. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали, но двигались только по сучьямъ; дятлы долбя, къ рѣкѣ путь показывали; соловьи веселымъ пѣнїемъ свѣтъ повѣдали. Молвилъ *Гзакъ Кончаку*: „когда соколъ къ гнѣзду летитъ, „то мы разстрѣляемъ соколенка позолочеными своими „стрѣлами.„ *Кончакъ* Гзаку отвѣтствовалъ: „естьли „соколъ къ гнѣзду полетѣлъ, то мы опутаемъ „соколика красною дѣвицею.„ Въ отвѣтъ на сїе

(ч) Сїи слова Половецкихъ Князей касались до *Игорева* сына Князя *Владимїра*, которой оставался еще у нихъ въ полону. Онъ

Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то лочнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ

Гзакъ сказалъ *Кончаку*: „когда его опутаемъ красною „дѣвицею, то не будетъ у „насъ ни соколика, ни красной „дѣвицы, и станутъ насъ „бить птицы въ полѣ По„ловецкомъ.

Сказалъ сїе *Боянъ*, и о походахъ, воспѣтыхъ имъ въ прежнїя времена Князей *Святослава*, *Ярослава* и *Ольга* симъ кончилъ: „тяжело „быть головѣ безъ плечь; „худо и тѣлу безъ головы: „а Русской землѣ безъ *Иго*„*ря*„ Свѣтитъ Солнце на небѣ: *Игорь* Князь уже въ Русской землѣ. Поютъ дѣвицы на Дунаѣ; раздаются

влюбился тамъ въ дочь Князя *Кричака*, и когда Половцы освободили его, то онъ привезши се въ Россїю, крестилъ и съ дитятею, и назвавъ *Свободою*, обвѣнчался съ нею. *Татищ*. Книга III. стр. 283.

на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до Кїева. Игорь ѣдетъ по Боричеву (ш). къ Святѣй Богородици Пирогощей (щ). Страны

голоса ихъ чрезъ море до *Кїева. Игорь* ѣдетъ по *Боричеву* къ Пресвятой Богородицѣ *Пирогощей.*

(*ш*) Урочище. въ самомъ городѣ *Кїевѣ* находящееся, по свидѣтельству *Нестора.* Было оное на горѣ къ Подолу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ церковь *Андрея Первозваннаго,* или близь оной. Тутъ *Владимїромъ* поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перунъ. Прежде красивое сїе мѣсто было внѣ града, и пространство между кумиромъ и Кїевомъ помѣщало множество народа для торжественныхъ жертвоприношенїй стекавшагося. На сей площади былъ теремный дворецъ Велико-княжескїй. Подъ самою горою *Днѣпръ* прежде имѣлъ свое теченїе; но по времени столько занесло оной пескомъ, что построено тутъ цѣлое предмѣстїе, *Подоломъ* нынѣ называемое. — См. *Татищ.* Кн. II. стр. 36.

(*щ*) Образъ *Владимїрской* Богородицы, который нынѣ въ *Успенскомъ* Соборѣ въ *Москвѣ* возлѣ царскихъ вратъ на лѣвой сторонѣ въ кїотѣ. Его въ древности *Богородицею Пирогощею* называли по тому, что изъ *Царя-града* привезенъ былъ въ *Кїевъ* гостемъ, прозывавшимся *Пирогощею.* Великїй Князь *Андрей Юрьевичъ Боголюбскїй* въ 1160 году взялъ сїю Святую икону отъ отца своего Великаго Князя *Юрья владимїровича* и перенесъ оную въ новопостроенный тогда на *Клязмѣ* городъ *Владимїръ:* въ *Москву* же оная принесена въ 1395 году, и съ тѣхъ поръ уже именуется *Владимїрскою. Татищ.* Томъ III. стр. 97 и 127. и въ примѣчанїяхъ стр. 487.

ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Князем ъ, а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича. Буй туру Всеволодѣ, Владимiру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь.

Радость въ народѣ, веселье въ городахъ. Воспѣта пѣснь Князьямъ старымъ, а потомъ молодымъ. Пѣта слава *Игорю Святославичу*, богатырю *Всеволоду* и *Владимiру Игоревичу*. Да здравствуютъ Князи и ихъ дружина, побораяза христiянъ на воинство невѣрныхъ! Слава Князьямъ и дружинѣ!

КОНЕЦЪ.

ПОКОЛѢННАЯ РОСПИСЬ

РОССІЙСКИХЪ ВЕЛИКИХЪ и УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ, ВЪ СЕЙ ПѢСНИ УПОМИНАЕМЫХЪ,

Сѣ показанїемѣ вѣ низу подѣ чертою *буквами* страницѣ, гдѣ о которомѣ сказано.

а. Вел. Кн. Св. Владимірѣ I Святославичь + 1015.

б. Мстиславѣ Кн. Тмутараканскій и Черниговскій + 1033. — *в.* Великій Кн. Ярославѣ I. + 1054. — *г.* Изяславѣ Кн. Полоцкій + 1003.

д. Владимірѣ Кн. Новгородскій + 1052. — *е.* Святославѣ II. Вел. Кн. + 1076. — *ж.* Вячеславѣ Кн. Смоленскій + 1087. — *з.* Вел. Кн. Всеволодѣ I. вѣ крещеніи Андрей + 1092. 1. Супруга Царевна Греческая. *и.* 2. Княжня Половецкая. — *к.* Брячиславѣ Кн. Полоцкій + 1044.

л. Ростиславѣ Кн. Тмутараканскій + 1065. — *м.* Ярославѣ Кн. Черниговскій + 1129. — *н.* Олегѣ Кн. Тмутараканскій и Муромскій + 1096. — *о.* Романѣ Кн. Тмутараканскій убитѣ 1079. — *п.* Борисѣ убитѣ 1078. — *р.* Вел. Кн. Владимірѣ II. Мономахѣ + 1126. — *с.* Ростиславѣ Кн. Переяславскій утонулѣ 1093. — *т.* Всеславѣ Кн. Полоцкій + 1101.

у. Володарь Кн. Тмутараканскій + 1124. — *ф.* Ростиславѣ Князь Рязанскій, упом. 1155. — *х.* Всеволодѣ II. Вел. Кн. + 1146. — *ц.* Глѣбѣ Кн. Курскій + 1138. — *ч.* Игорь Кн. Новгор. Сѣверскій + 1147. — *ш.* Святославѣ Кн. Черниговъ + 1164. Супруга его дочь Половецкаго Князя. — *щ.* Мстиславѣ I. Вел. Кн. + 1132. — *ъ.* Юрій I. Долгорукій Вел. Кн. + 1157. женатѣ на дочери Половецк. Князя. — *ы.* Василько.

ь Владимірко Кн. Галицкій, женатѣ на дочери Венгерск. Короля Стефана II. + 1155. — *ѣ.* Глѣбѣ Кн. Рязанскій + 1178. — *ю.* Святославѣ III. Вел. Кн. + 1194. — *я.* Ярославѣ Кн. Черниговскій + 1200. — *ѳ.* Олегѣ Кн. Новгор. Сѣверск. + 1165. — *ѵ.* Всеволодѣ Кн. Трубчевскій + 1196. *аа.* Супруга его Кн. Ольга Глѣбовна. — *бб.* ИГОРЬ Кн. Новгород. Сѣверск. + 1202. *вв.* Супруга его Кн. Ефросинія Ярославовна. — *гг.* Всеволодѣ Кн. Новгор. + 1138. — *дд.* Изяславѣ II. Вел. Кн. + 1154. — *ее.* Ростиславѣ I. Вел. Кн. + 1168. — *жж.* Владимірѣ III. Вел. Кн. + 1173. — *зз.* Святополкѣ Кн. Полоцкій + 1154. — *ии.* Изяславѣ. — *іі.* Брячиславѣ Кн. Витебскій. — *кк.* Всеволодѣ

лл. Ярославѣ Кн. Галицкій + 1188. — *мм.* Всеволодѣ Князь Пронскій + 1203. — *нн.* Романѣ Кн. Рязанск. + 1216 — *оо.* Игорь + 1194. — *пп.* Владимірѣ упом. 1180. — *рр.* Ярополкѣ упом. 1177. — *сс.* Всеволодѣ III. Чермный Вел. Кн. + 1215. — *тт.* Святославѣ или Борисѣ Кн. Рыльскій + 1186. — *уу.* Владимірѣ вѣ крещеніи Петрѣ Кн. Галицкій + 1212. Супруга его Свобода Кричаковна Кн. Половецкая. — *фф.* Давидѣ Кн. Смоленскій + 1198. — *хх.* Иванѣ Берладинѣ Кн. Галицкій упомин. 1144. — *цц.* Святославѣ Кн. Новгородскій + 1171. — *чч.* Романѣ Вел. Кн. + 1180. — *шш.* Рюрикѣ Кн. Новгородскій + 1211, женатѣ на дочери Половецк. Князя. — *щщ.* Мстиславѣ Кн. Смоленскій и Новгородскій + 1180.

на стран. 5. 37. подѣ именемѣ *стараго Владиміра.*
3. подѣ именемѣ *храбраго Мстислава.*
3. 14. подѣ именемѣ *стараго Ярослава.*
42. подѣ именемѣ *мати Ростиславл.*
7. 11. 14. 15. 16.
4. подѣ именемѣ *Краснаго Романа.*
15.
15.

с. 42. подѣ именемѣ *юнаго Князя Ростислава.*
т. 33. 35. 36.
х. 28.
ш. 1. 7. 21. 22. подѣ именемѣ *грознаго Ростислава.*
щ. 32.
ы. 33.
ѣ. 28. 29.

ю. 23. 26.
я. 27.
ѵ. 7. 13. 18. 21. 26. 46. подѣ именемѣ *Буй-Тура.*
аа. 14. подѣ именемѣ *Глѣбовны.*
бб. Герой пѣсни во многихѣ мѣстахѣ.
вв. 37. 38. 39. подѣ именемѣ *Ярославны.*
ии. 33.
іі. кк. 34. 34.

лл. 30. подѣ именемѣ *Осмомысла.*
мм. нн. оо. пп. рр. 29. подѣ именемѣ *удалыхъ сыновъ Глѣбовыхъ.*
пп. 28. подѣ именемѣ *сына Глѣбова.*
уу. 43. подѣ именемѣ *Соколенка* 46.
фф. шш. 29. 37. подѣ именемѣ *Буй-Рюрика.*
чч. 31. подѣ именемѣ *Буй-Романа.*
шш. 29. 37.
щщ. 31.

ПОГРѢШНОСТИ

напечатано			читай
Стран.	Строки.		
15	24	*Борисъ Вячеславичъ*	*Князъ Всеславичъ*
36	12	Кї-ва	*Кїева*
39	3	*Святослововы*	*Святославовы*
42	18	темныя.	темные.

Къ стр. 9 (VII). Уменьшено.

Къ стр. 7 (литера А). Уменьшено.

Первое изданіе „Слова о полку Игоревѣ“ и бумаги А. Ф. Малиновскаго.

Исключительная судьба какъ самого „Слова о полку Игоревѣ“ и единственной бывшей намъ доступною его рукописи, такъ и связанной съ нимъ научной литературы, также исключительной по своему объему и детальности въ разработкѣ всего, что такъ или иначе связывается съ памятникомъ, — оба эти обстоятельства придаютъ особый интересъ и значеніе даже относительнымъ мелочамъ, разъ онѣ представляютъ что либо новаго и еще недостаточно обслѣдованнаго: появленіе новыхъ, хотя бы и незначительныхъ, матеріаловъ возбуждаетъ надежду подойти еще ближе къ разрѣшенію того или другого изъ многочисленныхъ еще не разрѣшенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ литературной исторіей „Слова“. Поэтому становится понятнымъ то вниманіе, съ которымъ въ средѣ изслѣдователей „Слова“ отнеслись къ находкѣ такого новаго относительно матеріала, какова была сдѣланная Е. В. Барсовымъ. На первомъ Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ — 1874 года — онъ впервые сообщилъ о черновыхъ бумагахъ А. Ф. Малиновскаго, главнаго, какъ извѣстно, редактора перваго изданія „Слова“ 1800 года (см. „Труды Съѣзда“, т. I (1878), стр. LXI — LXII). Позднѣе имъ же въ „Критическомъ очеркѣ литературы С. о п. Иг.“ (Ж. М. Н. П. 1876, № 9 и 10) сообщены были нѣкоторыя подробности объ этихъ же бумагахъ. Еще подробнѣе далъ онъ свѣдѣнія о нихъ же въ своемъ большомъ изслѣдованіи: „Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси“ (Москва, 1877—90, три тома). Рѣшая вопросъ о характерѣ и времени написанія рукописи, какъ самого „Слова“, такъ и другихъ статей, „приложенныхъ къ Пушкинскому сборнику“, Е. В. Барсовъ въ числѣ прочихъ данныхъ приводитъ и упомянутыя черновыя бумаги Малиновскаго (т. I, стр. 70—90), а затѣмъ

ими же пользуется въ «Палеографической критикѣ текста „Слова"» (т. II, стр. 128 и сл.), цитируя „черновой переводъ" „Слова" А. Ф. Малиновскаго для выясненія отдѣльныхъ мѣстъ памятника. Эта находка Барсова еще въ 70-хъ годахъ не могла не возбудить толковъ среди людей, интересовавшихся „Словомъ": вѣдь, это были бумаги одного изъ лучшихъ знатоковъ рукописей вообще въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, при томъ главнаго работника по изданію „Слова", который, естественно, долженъ былъ не только имѣть въ рукахъ подлинную, затѣмъ погибшую рукопись, но и тщательно ее изучить...*). Е. В. Барсовъ и самъ оцѣнилъ — къ тому же высоко — свою находку, опредѣливъ значеніе найденныхъ имъ бумагъ такъ: «Не менѣе драгоцѣнныя (подраз., нежели выписки Карамзина, изданіе 1800 г., Екатерининская копія) данныя для разрѣшенія поставленнаго нами вопроса, (т. е. вопроса о характерѣ и времени написанія рукописи „Слова") открываются вновь найденными черновыми бумагами главнаго редактора перваго изданія Малиновскаго. Бумаги эти представляютъ его первоначальныя работы надъ „Словомъ" и важны уже потому, что въ нихъ мы встрѣчаемся съ первымъ процессомъ чтенія и изученія рукописи „Слова"» (т. I, стр. 70, § 4). Сообразно съ такой оцѣнкою, Е. В. Барсовъ детально, казалось, использовалъ попавшія въ его руки бумаги Малиновскаго, попытавшись на основаніи ихъ вскрыть процессъ чтенія имъ текста „Слова", установить, что Малиновскій стремился къ точности въ воспроизведеніи графической стороны рукописи, чѣмъ Барсовъ и оправдывалъ ту высокую оцѣнку, какую онъ придавалъ своей находкѣ. Но анализируя такимъ способомъ бумаги Малиновскаго, Е. В. Барсовъ не далъ читателю яснаго представленія о томъ, что же представляютъ сами бумаги Малиновскаго, ограничившись указаніями въ нѣсколькихъ мѣстахъ на ихъ содержаніе: оставалось впечатлѣніе, что всѣ эти бумаги писались Малиновскимъ собственноручно и именно въ то время, когда онъ, имѣя передъ собой рукопись „Слова", знакомился съ нею, дѣлая изъ нея выписки, которыми затѣмъ воспользовался при редактированіи изданія; отдѣльнаго описанія своей находки Е. В-чъ намъ не далъ, тогда какъ такое описаніе въ значительной степени могло бы избавить его отъ многого недовѣрія,

---

*) Ср., напр., А. И. Смирнова „О Словѣ о п. Иг.", вып. 2, стр. 16, прим. 9 (отт. изъ воронежскихъ Филолог. Зап. 1879 г.).

съ какимъ встрѣчено было его открытіе. И дѣйствительно, возбудивъ къ себѣ вниманіе, бумаги Малиновскаго вызвали и скептическое отношеніе къ себѣ, къ той оцѣнкѣ, какую имъ далъ Е. В. Барсовъ: казалось, что онъ преувеличилъ ихъ значеніе, какъ свидѣтельства о подлинныхъ начертаніяхъ рукописи, что точность въ передачѣ этихъ начертаній погибшей рукописи не такъ ужъ доказана Барсовымъ, какъ того требовало то значеніе бумагъ, какое имъ было придано; основаніе этому можно было почерпнуть изъ самыхъ цитатъ, приведенныхъ изъ бумагъ М-аго изслѣдователемъ, напр. такое немыслимое съ точки зрѣнія палеографіи начертаніе, какъ „кн:" вмѣсто обычнаго „кнзь", „казанину" при „па-поломоу", „зглядати" при правильномъ „съглядати"; или же: „притовку" вм. „припѣвку" и т. п. (т. I, стр. 71). Иные, а въ числѣ ихъ и авторитетный знатокъ „Слова" покойный Н. С. Тихонравовъ, шли и дальше въ своемъ скептическомъ отношеніи къ открытію Е. В. Барсова: Н. С. Тихонравовъ въ частныхъ бесѣдахъ склонялся къ мысли, не былъ ли Е. Барсовъ жертвой обмана со стороны недобросовѣстнаго торговца, т. е., что это — не бумаги Малиновскаго, а поддѣлка или чьи либо иныя бумаги, выданныя за бумаги Малиновскаго. Видимо, эти неблагопріятные слухи о цѣнности найденныхъ бумагъ*) доходили до ихъ обладателя: онъ предполагалъ, поэтому, издать ихъ отдѣльно, при томъ въ видѣ факсимиле, чтобы такимъ способомъ положить конецъ толкамъ (что разумѣется и слѣдовало бы сдѣлать, разъ при первомъ о нихъ извѣстіи не было дано обстоятельнаго ихъ описанія). Но время шло, а благое намѣреніе Е. В. Барсова осталось невыполненнымъ до самой его смерти. По смерти Е. В. бумаги Малиновскаго остались въ числѣ его другихъ бумагъ, продолжая т. о. дразнить любопытство тѣхъ, кому приходилось работать надъ „Словомъ".

Недавно эти бумаги А. Ф. Малиновскаго поступили въ Архивное отдѣленіе Московскаго Историческаго Музея, переданныя туда дочерью Е. В. Барсова. Т. о. теперь стало возможно удовлетворить нашему научному любопытству и такимъ путемъ выяснить дѣйствительную цѣнность этихъ бумагъ и въ свою очередь оцѣнить взглядъ на нихъ Барсова.

---

*) Ср. еще, напр., И. Н. Козловскаго „Палеографич. особенности погибшей рукописи С. о п. И." („Древности" Моск. Арх. Общ., т. XIII (М. 1890), стр. 14—15 отд. отт.).

Уже первый взглядъ на эти бумаги вноситъ поправку въ сложившееся у насъ до сихъ поръ представленіе о нихъ: бумаги эти по письму принадлежатъ не одному лицу, если между ними и есть писанныя, дѣйствительно, А. Ф. Малиновскимъ, а разнымъ; кромѣ того, бумаги эти писаны не въ одно и то же время, довольно ограниченное, какъ бы могли мы ожидать, допустивъ, вмѣстѣ съ Е. В. Барсовымъ, что передъ нами черновые матеріалы для перваго изданія, т. е., между 1795 или 6-мъ годомъ и 1800-мъ: часть ихъ должна была быть писана уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія „Слова", при томъ уже послѣ 1812 года, когда рукопись уже погибла въ Московскомъ пожарѣ. То и другое, равно какъ и иныя особенности бумагъ, оставшіяся не отмѣченными Е. В. Барсовымъ, ясны изъ ближайшаго ознакомленія съ ними. Привожу поэтому возможно полное и точное ихъ описаніе въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ онѣ поступили въ Историческій Музей.

Вся связка бумагъ Малиновскаго обнимаетъ собою 90 страницъ, перемѣченныхъ (много—при передачѣ ихъ въ Музей) красными чернилами.

I. На стр. 1-ой находимъ замѣтку „О подлинности Слова о полку Игоревѣ", заключающую въ себѣ вопросные пункты касательно рукописи и процесса изданія ея въ 1800 году: о мѣстѣ и времени находки рукописи, о матеріалѣ, на которомъ писана рукопись, и времени ея написанія (мнѣніе А. И. Ермолаева), о почеркѣ, объ участникахъ изданія, Малиновскомъ и Бантышѣ-Каменскомъ, и отношеніи ихъ къ сотрудничеству М.-Пушкина. Замѣтка эта принадлежитъ Д. Дубенскому, извѣстному издателю „Слова" въ 1844 году (Русскія достопамятности, ч. III), выписана изъ бумагъ Комиссіи печатанія Госуд. Грам. и Договоровъ въ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ и помѣчена 15 мая 1839 года (Ср. указ. изданіе Дубенскаго, стр. VIII—IX). Здѣсь же—замѣтка о рукописи (№ 238) того же Архива: А. С. Шишкова „Примѣчанія на Сл. о п. Иг." (изд. въ собр. соч. Шишкова, 1805 г. ч. I). Обѣ замѣтки выписаны (повидимому, для Е. В. Барсова) С. А. Бѣлокуровымъ. Стр. 2-я листка — чистая.

II. Стр. 3 — 14 *). Стр. 3 — въ правомъ углу вверху помѣтка карандашомъ: „10. Яковлевъ". Цифра обозначаетъ листъ той тетради,

---

*) Стр. 11—12—вкладной листокъ почтовой бумаги, на одной сторонѣ котораго нарисована чернилами „Карта мѣстности, гдѣ погибъ Ростиславъ"; листокъ недавняго времени; подпись на немъ, кажется, руки Е. В. Барсова. Естественно, листокъ отношенія къ бумагамъ Малиновскаго не имѣетъ.

откуда взяты описываемыя страницы, такъ какъ слѣдующіе листы перемѣчены той же рукой слѣдующими номерами (11, 12, 13...); фамилія — повидимому, наборщика типографіи. Ниже — посрединѣ строки: „Приложеніе 6-е", подъ этимъ: „с. 4. Заглавіе", подъ нимъ: „Извѣстіе объ открытіи другого древнѣйшаго списка рукописи подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ", ниже—„IV. Сличеніе харатейной рукописи Слова съ печатною 1800 г." Все это позднѣе перечеркнуто карандашомъ. Стр. 5—въ правомъ верхнемъ углу карандашомъ: „11", рядомъ —инымъ почеркомъ карандашомъ же: „обычн. шрифтъ". Далѣе на стр. 5—6 самая статья о новонайденной рукописи „Слова" (Сіе произведеніе Россійской Словесности XII столѣтія издано было въ 1800 году...). Со стр. 7 и по 14—„Сличеніе харатейной рукописи Слово о полку Игоревѣ съ печатною въ 1800 году": въ два столбца, изъ коихъ въ лѣвомъ чтеніе рукописи съ указаніемъ страницы и строки, въ правомъ—чтеніе печатнаго изданія съ такими же обозначеніями, при чемъ карандашомъ даны указанія для наборщика: для рукописи—церковн. шрифтъ, для изданія — обыкн. курсивъ. Бумага этой части — поздняя, бѣлая, рука писавшаго иная, нежели въ остальныхъ бумагахъ, м. б., похожа на руку Е. В. Барсова*). Это „Извѣстіе" — письмо А. Ф. Малиновскаго къ гр. Н. П. Румянцову — напечатано Е. В. Барсовымъ въ его изслѣдованіи (I, стр. 41 и 50); тамъ же и послѣсловіе поддѣлки (стр. 43). Слѣдовательно, эта часть бумагъ—позднѣйшая копія письма Малиновскаго, писаннаго, какъ видно изъ его содержанія, въ 1815 (въ копіи ошибка: 1715) году. По этому письму судя, Малиновскій въ это время относилъ пушкинскую рукопись „Слова" къ XVI вѣку.

III. **Стр. 15, 16 и 90.** Эти страницы представляютъ обложку къ остальнымъ бумагамъ. Этотъ обкладной листъ — та „Поколѣнная роспись" князей русскихъ, которая приложена въ видѣ таблицы къ изданію „Слова" 1800 года; уголъ ея оборванъ.

IV. **Стр. 17—27.** Эти страницы (5 листовъ) составляютъ отдѣльное цѣлое: плотная синяя старинная бумага съ водянымъ знакомъ: „Б 1814". Съ обѣихъ сторонъ страницъ отбиты поля, текстъ началъ немного

---

*) Если это рука Е. В. Барсова дѣйствительно, то можно думать, что вся II группа есть копія, сдѣланная Е. В. Барсовымъ, съ не находящихся въ настоящихъ бумагахъ Малиновскаго рукописей этого послѣдняго, предназначенная Е. В. Барсовымъ для одного изъ приложеній къ его работѣ (ср. т. I, стр. 92, прим. 2), оставшейся, какъ извѣстно, въ печати неоконченной.

выше середины страницы; рука отчетливая, каждая буква пишется отдѣльно, почеркъ писарской; это — копія съ рукописи, съ сохраненіемъ сокращеній и титлъ: „Въ то же время С҃тославичь Игорь внoукъ Олговъ поѣха из Новагорода м҃ца въ к҃г д҃нь во вторникъ“... „Игорь же ѿ толѣ ѣха ко Киевоу к великомоу к҃нзю С҃тославоу и радъ бы҃ емоу С҃тославъ такъ же Ирюрикъ сватъ его“. Рукопись перемѣчена по страницамъ карандашомъ: 2—10; на первой страницѣ карандашомъ же: „Костровъ“ (фамилія наборщика?). Изъ указаннаго ясно, что то, что объ этой части бумагъ говоритъ Е. В. Барсовъ (I, стр. 92—94), принято быть не можетъ: это — копія съ неизвѣстной рукописи, сдѣланная значительно позднѣе изданія „Слова“; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о „черновыхъ бумагахъ“ времени подготовки этого изданія, равно какъ и о связи этой копіи съ рукописью М.-Пушкина, уже тогда не существовавшей; наконецъ, это — рука не Малиновскаго: вѣроятно, Малиновскій, и позднѣе интересуясь „Словомъ о п. Иг.“, поручилъ кому либо въ Архивѣ списать для него этотъ текстъ и подложилъ его къ бумагамъ, сохранившимся у него отъ прежней его работы — надъ изданіемъ 1800 года. Даже и въ томъ случаѣ, если бы мы допустили (въ виду сказаннаго едва ли возможное), что копія сдѣлана Малиновскимъ собственноручно, эта часть бумагъ не могла бы дать того, что въ ней увидалъ Е. В. Барсовъ: ихъ отдѣляетъ отъ времени работъ Малиновскаго надъ „Словомъ“ пятнадцатилѣтній промежутокъ, а сверхъ того намъ и Барсову неизвѣстенъ оригиналъ, съ котораго дѣлалась копія *); а потому заключать о степени точности и стремленіи къ ней при работѣ надъ „Словомъ“ по этой копіи очень рисковано.

V. Стр. 28—35. Три обрѣзка старой желтоватой бумаги, какъ будто прежде бывшей наклеенной на что-то и затѣмъ слѣпленной: Это — тѣ „лоскутки, на которыхъ, по словамъ Е. В. Барсова (I, стр. 72), сдѣланы выписки изъ текста „Слова“, пріуроченныя, повидимому, къ

---

*) По чтеніямъ она буквально совпадаетъ съ Ипатскимъ спискомъ (см. изд. 2-е, стлб. 637 и сл.); по графикѣ также очень подходитъ; но точнѣе судить нельзя по сравненію съ печатнымъ изданіемъ, гдѣ раскрытія титла и сняты надстрочные знаки. Почеркъ же Ипатской лѣт. въ этой части — поздній уставъ, приближающійся къ полууставу. На стр. 92, прим. 2, 1-го т. Е. В. Барсовъ отсылаетъ читателя къ „Приложеніямъ“, гдѣ, повидимому, долженъ былъ бы быть напечатанъ цѣликомъ этотъ текстъ; но „Приложенія“ въ изслѣдованіи, поскольку оно отпечатано, не вышли въ свѣтъ.

предполагавшейся статьѣ „о Боянѣ“. Въ настоящее время въ бумагахъ не находимъ еще одного листка, на которомъ были отрывки четвертый и пятый, изъ коихъ сдѣланы были извлеченія Е. В. Барсовымъ (тамъ же, стр. 75). Сохранившіеся же лоскутки содержатъ слѣдующее: А) стр. 28—выписка изъ „Слова“: „сѣрымъ во(ъ)лкомъ по земли, шизы(м) орломъ подъ облакы . . . . . . славу рокотаху!“ (см. изд. 1800 г., стр. 3—4); стр. 29—отрывокъ замѣтки писавшаго о Боянѣ, куда вошли: заглавіе „Слова“ и начальная его фраза: „Слово о полку Игоревѣ, Игоря сына Святославля, внука Ольгова“, „(Не) лѣпо ли ны бяшетъ братіе!“ вѣтъ начинается (эти два слова зачеркнуты) „трудны повѣстій о по(ъ)лку игоревѣ, игоря. . . . “. . . . . .“; послѣдняя цитата писана поперекъ на краю листка, причемъ послѣдняя ея строка обрѣзана, и отъ нея осталось только надстрочное „м“. Эта страничка лоскутка осталась неиспользованной Е. В. Барсовымъ, хотя и давала ему желательный матеріалъ (надстрочныя начертанія и поправку). Б) Стр. 30 — выписки изъ „Слова“ со вводными словами автора замѣтки: а) „пѣсни Игореви того (Олга) внуку, не буря... Велесовъ внуче!“ (1-е изд., стр. 6—7). . . . б) „а мои ти Курчани свѣдоми къ мѣти . . . . а князю славѣ“ (тамъ же, стр. 8). Стр. 31 — выписка съ вводной фразой автора замѣтки: а) „той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше . . . . . . усліе“, б) „Ничитъ трава . . . . .“, в) „Жены русскія всплакашась . . . . . . того потрепати“, г) „Дружину княжую птицъ крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша“ (тамъ же, стр. 15, 16, 18, 20, 34). В) стр. 32 — выписка: „На немизѣ стелютъ головами . . . . костьми рускихъ сыновъ“. (1-е изд., стр. 36). Стр. 33, 34 и 35 — чистыя. На перечисленныхъ обрѣзкахъ частію уцѣлѣли водяные знаки въ бумагѣ: А) — L и I; Б) — C; В) — 90, M и H. Судя по этимъ остаткамъ знаковъ, бумагу слѣдуетъ отнести къ концу XVIII столѣтія, съ чѣмъ согласно и то, что сказано выше о внѣшнемъ видѣ и вѣроятномъ происхожденіи лоскутковъ. Въ первомъ лоскуткѣ въ перечисленныхъ выпискахъ кое-гдѣ видимъ между строкъ исправленія правописанія краснымъ карандашомъ; исправленія эти, кромѣ двухъ случаевъ (во(ъ)лкомъ, ко(а)сож(ь)скыми, полку Игоревѣ), согласны съ первымъ изданіемъ. Въ остальныхъ выпискахъ отдѣльныя слова, первоначально написанныя ошибочно, зачеркнуты и рядомъ съ ними написаны правильно, опять согласно съ 1-мъ изданіемъ. Въ результатѣ анализа этихъ лоскутковъ, едвали можно съ увѣренностью сказать, что поправки и выписки

дѣлались непремѣнно на основанія рукописи непосредственно, а не по печатному, первому б. м., изданію.

VI. Стр. 36—71. Эта тетрадь (18 листовъ въ листъ) на синей довольно плотной бумагѣ, съ хорошо видными водяными знаками въ бумагѣ: на верхней половинѣ листа буквы: М и Я или же: М и Д, и между ними геральдическая лилія; на нижней, подъ этими буквами и рисункомъ—годъ: 17—94. На страницѣ 36—заглавіе:

Ироическая пѣснь
о
походѣ на половцовъ
Удѣльнаго князя Новгород-Сѣверскаго
Игоря Святославича
писанная
Стариннымъ Русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія
съ переложеніемъ на употребляемое
нынѣ нарѣчіе.

Въ словѣ „употребляемое" конецъ его писанъ по подскобленному. Стр. 37—чистая. Стр. 38—„Историческое содержаніе сей поэмы"; нач.: „Удѣльный князь Новгорода Сѣверскаго Игорь Святославичь..."—то же, что въ изданіи 1800 года, но съ отличіями, преимущественно стилистическаго характера и безъ подстрочныхъ примѣчаній (ср. стр. III—VIII печ. изд.); самое крупное отличіе—въ концѣ предисловія: вмѣсто: „Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя...." и т. д. (стр. VII—VIII), читаемъ въ тетради только: „Подлинная рукопись по своему почерку весьма древна и принадлежитъ нѣкоторой знатной особѣ, объ открытіи отечественныхъ древностей усердствующей и многіе тому опыты уже явльшей". Стр. 40—71 содержатъ „черновой переводъ" (по опредѣленію Е. В. Барсова) „Слова": текстъ перевода, какъ и предыдущее, писанъ каллиграфично писарской рукой вверху правой половины страницъ, такъ что нижняя часть листа оставлялась для подстрочныхъ примѣчаній. Переводъ подвергся многочисленнымъ исправленіямъ между строкъ, частью на свободной лѣвой сторонѣ страницъ; поправки дѣлались той же рукой, что и примѣчанія; на лѣво отъ текста перевода красными чернилами выставленъ счетъ страницъ, неизвѣстно, примѣнительно къ какому тексту (соотвѣтствія съ изд. 1800 г. не видно): стр. первая про-

ставлена противъ словъ: „и поощривъ сердце свое мужествомъ исполненъ будучи духа ратнаго“ (ср. 1-е изд., стр. 5); последняя страница — 23-я — поставлена противъ места: „не будетъ у насъ ни соколика, ни красной девицы“ (ср. тамъ же, стр. 44). Что касается поправокъ перевода, то, если многія изъ нихъ совпадаютъ съ чтеніями перваго изданія, т. е. могли быть внесены туда изъ черновoго, то всежс очень многія изъ нихъ не вошли въ печатное изданіе, очевидно, признанныя неподходящими, либо въ печатномъ явились уже вторичныя поправки (напр., въ корректуре?). Примечанія въ общемъ по редакціи совпадаютъ съ печатными перваго изданія, но несколькихъ, сравнительно съ печатными, нетъ; такъ, не находимъ: а, п, р, щ, ы, ѣ, я, ѳ, р, с, т, у (четыре последнихъ — второго алфавита); примечанія черновика 16 и 20, соответствующія п. и р., и ф., печатнаго, заменяются иными; одно примечаніе (16: ὄρτμος, верхняя одежда) — лишнее сравнительно съ печатнымъ. Т. о. всехъ примечаній въ рукописи 50.

VII. Стр. 72 -- 73. Полулистъ, на лицевой стороне коего (оборотъ — чистый) помещены: „Темныя места въ поеме Игоря“, изданныя Е. В. Барсовымъ (т. I, стр. 71); места въ выпискахъ, затруднявшія писавшаго въ смысле, подчеркнуты (у Барсова это осталось не отмеченнымъ, какъ следуетъ); такъ, въ № 1 (по счету Барсова) писавшаго смутило: пасеть, № 2 — рассоушѧ, № 12 — оуедіе, № 14 — вся фраза, кроме слова: „лебедиными“, № 16 — лоукꙋ, № 17 — каютъ, № 18 — пълъковинъ *). Бумага, на которой писаны эти „темныя места“, съ водянымъ знакомъ: въ средине листа — буквы: Я М В С Я, внизу около перегиба — первыя две цифры года: 1 8; следующія две цифры (на второй половине листа) должны быть: 0 9 (см. Тромонинъ, Изъясненіе знаковъ. . ., № 961) **). Ясно, что бумага не современна работамъ надъ подготовкой изданія 1800 года. Рука та же, что писала примечанія къ переводу и черновики ихъ (ср. VIII); скорее всего, „Темныя места“ писались не ране 1809 года, т. е. между этимъ годомъ и 1812-мъ (время гибели рукописи).

VIII. Стр. 74 — 77. Четыре листа въ листъ; на первыхъ семи страницахъ (восьмая — чистая) помещены черновики примечаній къ

*) Перечисляю только то, что у Барсова не точно отмечено.

**) Аналогичные, но не совпадающіе знаки (ср. у Тромонина же, № 889 и 960) относятся къ 1800 г. и 1801-му годамъ.

„Слову", съ массой помарокъ и перечеркиваній: по тексту, оставшемуся послѣ обработки, примѣчанія эти вполнѣ совпадаютъ съ находящимися при „черновомъ переводѣ"; лишняго здѣсь только — набросокъ родословной, въ болѣе исправномъ и полномъ видѣ приложенной къ изданію 1800 года. Бумага синяя съ отчетливыми филигранями: въ верхней части листа — буквы: К Ф Д М, въ срединѣ ниже — корабль на волнахъ, подъ нимъ годъ: 1 7 9 8, на сгибѣ листа — буква: Ш.

IX. Стр. 82—83. Четвертка въ форматѣ почтовой бумаги; на одной сторонѣ ея замѣтка: „О Трояновомъ освобожденіи изъ Ада молитвами Григорія Діалога можно видѣть по сказанію рукописи Мечецъ, у Іоанна Дамаскина въ словѣ о Усопшихъ". Бумага и письмо — позднія (приблизительно, 20-хъ гг. XIX в.).

X. Стр. 84—85. Четвертка синей (ярославской) бумаги съ выпиской въ девять строкъ: „Пѣхота ихъ имѣетъ неизвѣстное намъ оружіе, называемое самострѣлами. Оно натягивается . . . ." Письмо приблизительно второго или третьяго десятилѣтія XIX в.

XI. Стр. 86—89. На стр. 86—87 выписка: „Къ пѣснѣ о полку Игоря" изъ Библ. для чтенія, VIII, ч. I: изъ статьи Маркевича о Троянѣ. Бумага та же, что и въ X.

Вотъ составъ той связки бумагъ, которыя Е. В. Барсовъ называлъ „бумагами Малиновскаго". Какъ видимъ, онѣ по составу своему, дѣйствительно, не однородны, и по времени и происхожденію, а, стало-быть, и по цѣнности ихъ для изученія „Слова о полку Игоревѣ". Часть ихъ (именно, отмѣченное въ описаніи цифрами: V, VI, VIII, отчасти III), дѣйствительно, можетъ быть связана съ работой Малиновскаго надъ приготовленіемъ перваго изданія „Слова": онѣ по времени могутъ быть отнесены къ періоду до выхода этого изданія, могутъ нести на себѣ отраженіе пользованія подлинной рукописью „Слова". Такъ называемыя „Темныя мѣста въ поемѣ Игоря" (въ описаніи — VII), какъ явившіяся не ранѣе 1809-го, во всякомъ случаѣ должны быть отнесены къ позднѣйшимъ занятіямъ Малиновскаго текстомъ „Слова", причемъ не исключена возможность предположить, что онъ въ это время могъ еще имѣть подъ рукой самую рукопись „Слова" (она, вѣдь, погибла въ концѣ 1812 года); на это намекаютъ такія „рукописныя" начертанія: „оу" (при печатномъ „у"), ѧ҃, (слово-титло; въ печ. раскрыто), „ѕ" при печатномъ „з", дво́ю (въ

изд. „лѣвою“); въ такомъ случаѣ, невозможное для рукописи „кн:“ будетъ служить указаніемъ только на то, что Малиновскій, воспроизводя начертанія рукописи, старался подражать ея начертаніямъ только въ словахъ, возбудившихъ его сомнѣніе по смыслу, а слово „князь“, какъ черезъ чуръ обычное, написалъ по привычному въ его практикѣ; на такое же отношеніе къ начертаніямъ рукописи указываетъ и поправка въ словѣ „оуедіе“, гдѣ, машинально написавъ по современному ему, кажется, „ѣ“, затѣмъ поправилъ согласно съ рукописью на „е“, какъ и стоитъ въ печатномъ изданіи (а корректура изданія, какъ мы знаемъ, была тщательная и по рукописи). Затѣмъ, къ еще болѣе позднимъ занятіямъ „Словомъ“ слѣдуетъ отнести большую выписку изъ лѣтописи о походѣ Игоря (у насъ—IV): она не ранѣе 1814 года могла попасть въ связку бумагъ Малиновскаго. То же, разумѣется, надо сказать о листахъ, отмѣченныхъ мною цифрами IX—XI. Наконецъ, уже косвенное отношеніе имѣютъ къ бумагамъ Малиновскаго копія съ письма его къ гр. Румянцову о подложномъ спискѣ „Слова“ (оригиналъ писанъ не ранѣе 1815 года) и замѣтка Д. Дубенскаго 1839 года, которая становится понятной въ связи съ прим. его на стр. VIII изданія 1844 г.: вопросные ея пункты писаны были передъ посѣщеніемъ имъ А. Ф. Малиновскаго не задолго до смерти послѣдняго (26 окт. 1840 г.). Т. о. описанныя мною бумаги Малиновскаго правильнѣе всего оцѣнивать, какъ не разработанный до сихъ поръ матеріалъ для исторіи изданій „Слова о полку Игоревѣ“, и прежде всего его перваго изданія; конечно, исторія эта можетъ дать кое-что и для сужденія о самой погибшей рукописи; но дастъ ли она много новаго и въ частности то „новое“, что увидалъ въ бумагахъ Малиновскаго Е. В. Барсовъ, покажетъ только болѣе внимательный и правильный ихъ анализъ.

А.

Присмотримся внимательно прежде всего къ „лоскуткамъ“ съ предполагаемой статьей о Боянѣ (у насъ № V): они дали Е. В. Барсову значительный матеріалъ для графики погибшей рукописи, могли быть писаны, какъ мы видѣли, еще до погибели ея.

Оцѣнивая значеніе этихъ лоскутковъ, Е. В. Барсовъ говоритъ: „Для насъ чрезвычайно важны (разр. моя) въ приведенныхъ выдержкахъ слова съ сокращенными окончаніями. Хотя онъ и дѣлаетъ эти окончанія свойственнымъ ему скорописнымъ почеркомъ, но, имѣя

въ виду особенное его вниманіе къ окончаніямъ другихъ словъ въ тѣхъ же выдержкахъ, мы должны думать, что онъ позволялъ себѣ подобныя сокращенія лишь только потому, что въ самой рукописи эти самыя слова оканчивались титлованными надписными буквами" (т. I, 75). Эта „чрезвычайная важность" выписокъ на дѣлѣ оказывается довольно условной, какъ вытекаетъ уже изъ самой оговорки Барсова, только что приведенной, и—дѣйствительно: если Малиновскій, цитируя „Слово", писалъ „шизы^{м}", „на^{м} свои^{х} милы^{х}", „княжи^{х}", „о^{т}", „русски^{х}",—то въ томъ, что онъ писалъ отъ себя, найдемъ совершенно тѣ же пріемы письма (т. е. пріемы свойственнаго ему скорописнаго почерка): „названіе^{м}", „(лю)б(ител)е^{м}", „оссіановы^{х}", „красота^{м}", „подвластны^{х}", „удѣльны^{х}". Гдѣ же у насъ критерій для разграниченія начертаній, обязанныхъ своимъ появленіемъ начертаніямъ рукописи „Слова", и тѣхъ, которыя обязаны своимъ появленіемъ пріемамъ „свойственнаго Малиновскому скорописнаго почерка"? Съ другой стороны, иныя особенности выписокъ на нашихъ лоскуткахъ говорятъ противъ того, что въ „сокращенныхъ окончаніяхъ" можно видѣть какое-то особенное стремленіе со стороны Малиновскаго сохранять начертанія рукописи: обычное употребленіе „у" при „оу", „ȣ" рукописи, пропуски и путаница глухихъ, возстанавливавшихся въ печатномъ изданіи „Слова", несоблюденіе написанія „и" и „ы" послѣ гортаннаго, несогласное съ рукописью (по ея воспроизведенію въ изд. 1800 г.), употребленіе „е" и „ѣ"; такъ, мы находимъ въ цитатахъ Малиновскаго (первая колона):

рѣчь—речь	зглядати—съглядати
полкы—пълкы	пріоде—пріодѣ
къ мѣти—къ мети	ничитъ—ничить
взлелѣяни—възлелѣяни	хотятъ—хотять
вскръмлени—въскръмлени	съ тугою—стугою
аки... вълци—акы... влъци	своа вѣщія—своя вѣщіа
погыбашеть—погибашеть	перъвое—пръвое
рускыя—рускія	

Сюда же можно присоединить чтенія: „дружину княжую" въ бумагахъ вм. „дружину твою княже" печатнаго текста, „притовку" вм. „припѣвку". Если даже допустить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ бумаги даютъ болѣе правильное рукописное начертаніе, нежели изданіе (хотя оно, по заявленію издателей, стремилось быть точнымъ—и не

вездѣ безъ успѣха), то все же сознательнаго стремленія выдерживать начертанія рукописи въ лоскуткахъ мы допустить не имѣемъ права въ виду явныхъ случаевъ искаженія рукописнаго начертанія въ бумагахъ: видно, что дѣлавшій свои цитаты въ „предполагавшейся статьѣ о Боянѣ“ Малиновскій не преслѣдовалъ въ то же время цѣли дать и точное воспроизведеніе рукописи; на то же указываютъ и тѣ поправки краснымъ карандашомъ, которыя были послѣ сдѣланы въ цитатахъ, если онѣ принадлежатъ самому Малиновскому: онѣ всѣ возстановляютъ чтенія печатнаго изданія, и у насъ нѣтъ доказательства, что онѣ дѣлались по рукописи, а не по печатному изданію. Такимъ образомъ, самое отношеніе анализируемыхъ выписокъ Малиновскаго, даже если онѣ дѣлались непосредственно по рукописи, къ печатному тексту, а также ихъ общій характеръ ясно показываютъ, что придавать имъ то важное значеніе для возстановленія начертаній и характера письма погибшей рукописи, какое имъ придалъ Е. В. Барсовъ, никоимъ образомъ нельзя. Это, въ лучшемъ случаѣ,—выписки изъ рукописи, дѣлапшіяся тогда, когда Малиновскій набрасывалъ на-черно предисловіе къ изданію, не преслѣдуя никакихъ опредѣленно палеографическихъ цѣлей. Что разбираемые „лоскутки“ стоятъ въ связи съ предисловіемъ къ „Слову“, можно предполагать съ большой долею вѣроятности изъ самыхъ набросковъ Малиновскаго на этихъ клочкахъ: первый изъ нихъ (стр. 29) читается такъ: (рѣчь идетъ, повидимому, о Боянѣ) „но, можетъ быть, и изъ всѣхъ писателей Россійскихъ. до свѣдѣнія нашего о существованіи его дошло черезъ другаго въ вѣкѣ жившаго писателя безъименнаго, въ сочиненіи его подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ Игоря сына Святославля, внука Ольгова. Сія древность отыскана между старинными рукописями любителемъ отечественныхъ древностей...“. Конецъ выписки, ясно, слѣдуетъ сопоставить съ тѣмъ, что̀ говорится въ предисловіи къ изд. 1800 года (стр. VIII)*). Такой же характеръ обнаруживаетъ и другая фраза въ наброскѣ второмъ: „въ сей древнѣйшей поемѣ есть отмѣнныя красоты въ описаніяхъ, не уступающія красотамъ оссіановымъ...“ (стр. 30). Ср. съ тѣмъ, что

*) Въ болѣе ранней редакціи того же предисловія (о ней—ниже) читается еще ближе къ приведенной выдержкѣ: „Подлинная рукопись по своему почерку весьма древна и принадлежитъ нѣкоторой знатной особѣ, объ открытіи отечественныхъ древностей весьма усердствующей и многіе тому опыты уже явльшей“.

говорится въ предисловіи къ печатному изданію о „духѣ Оссіановѣ", о „возвышенныхъ и коренныхъ выраженіяхъ" въ поэмѣ (стр. VI). Въ результатѣ, не рискуя впасть въ преувеличеніе относительно цѣнности „лоскутковъ", но и не принижая ихъ значенія, можно, думается, сказать о нихъ такъ: это—черновыя замѣтки человѣка, уже ознакомившагося съ содержаніемъ „Слова", который рѣшилъ, можетъ быть, уже имѣя въ виду изданіе его, набросать для себя нѣсколько мыслей, возбужденныхъ въ немъ чтеніемъ памятника, чтобы впослѣдствіи использовать свои замѣтки для предисловія, но воспользовался лишь немногимъ, такъ какъ самый планъ предисловія тогда ему рисовался уже иначе: изъ первоначальнаго плана въ новомъ осталось, естественно, упоминаніе о владѣльцѣ рукописи, сопоставленіе съ моднымъ въ концѣ XVIII и нач. XIX вѣковъ Оссіаномъ...

Можетъ быть, были и еще другіе пункты, связывавшіе эти „лоскутки" съ предисловіемъ къ печатному изданію, но кромѣ описанныхъ трехъ „лоскутковъ" въ нашемъ распоряженіи иныхъ не оказалось. Тѣмъ не менѣе, не будетъ рискомъ увидать въ нашихъ „лоскуткахъ" одну изъ раннихъ стадій подготовки текста „Слова" къ изданію: это—черновой матеріалъ для будущаго предисловія къ изданію, но не болѣе; палеографическаго значенія эти клочки имѣть не должны. Наконецъ, даже если бы мы и получили возможность когда либо доказать, что Малиновскій сознательно удержалъ кое-что изъ начертаній рукописи (какъ это хотѣлось думать Е. В. Барсову), то и въ этомъ случаѣ цѣнность этихъ „лоскутковъ" была бы ничтожна: то, что они могли бы дать, давно уже инымъ путемъ установлено, путемъ палеографической критики текста „Слова", прежде всего Н. С. Тихонравовымъ.

Б.

„Въ ряду этихъ бумагъ—говоритъ Е. В. Барсовъ—въ данномъ случаѣ (т. е. для сужденія о рукописи „Слова", ея особенностяхъ, вѣкѣ) имѣютъ особенное значеніе начертанныя рукою Малиновскаго „Темныя мѣста въ поэмѣ Игоря" (т. I, стр. 70; ср. Ж. М. Н. П., 1876, IX, стр. 19). Это—листъ, описанный мною подъ № VII (бумаги, стр. 72). Листъ этотъ, какъ мы видѣли, могъ быть написанъ не ранѣе 1809 года, стало быть, уже послѣ выхода въ свѣтъ изданія „Слова"; но въ то же время онъ могъ явиться еще до гибели рукописи, т. е.: a priori мы можемъ предполагать, что писавшій его могъ еще имѣть передъ

собою самую рукопись; т. о., съ этой стороны, хотя и на другихъ основаніяхъ, допустимо предположеніе Е. В. Барсова, что на „Темныхъ мѣстахъ“ возможно отраженіе начертаній рукописи непосредственно. На такого рода предположеніе наводятъ, дѣйствительно, отдѣльныя начертанія этихъ выписокъ: здѣсь попадаются такія начертанія, которыя не могутъ быть объяснены обычными пріемами графики людей XVIII вѣка, (каковы, напр., приведенные выше изъ „лоскутковъ“) (хотя бы и имѣвшихъ частое обращеніе со старымъ рукописнымъ матеріаломъ, каковъ былъ Малиновскій или Бантышъ-Каменскій); такъ, здѣсь находимъ: рассоуша, излоукꙋ, погроуѕи—начертанія, обычныя въ рукописяхъ старшаго времени, XV—XVII вѣковъ, а иногда и болѣе раннихъ; о томъ же говоритъ и то, что начертаніе „оу“ въ этихъ выпискахъ оказывается почти всюду (кромѣ словъ „уже“, „зелену“) выдержаннымъ, согласно съ обычной рукописной практикой старшаго времени; можетъ быть, на то же укажутъ и начертанія: „оръть-мами“, „па-поломоу“, гдѣ появленіе тире можно объяснить тѣмъ, что въ рукописи эти слова написаны были на двухъ строкахъ, и писавшій „Темныя мѣста“ не рѣшился написать ихъ слитно, колеблясь, какъ прочесть: однимъ ли, или двумя словами. Это придаетъ этимъ выпискамъ нѣкоторое палеографическое значеніе въ вопросѣ о рукописи „Слова“; но какъ велико это значеніе, что̀ новаго вносятъ эти выписки въ наше представленіе о рукописи, это, разумѣется, вопросъ иной. Прежде всего возникаетъ по отношенію къ „Темнымъ мѣстамъ“ въ свою очередь вопросъ: насколько эти выписки въ цѣломъ передаютъ начертанія рукописи? Присматриваясь къ нимъ внимательно, приходится убѣдиться, что въ нихъ не всѣ слова могли передавать эти начертанія: въ самомъ дѣлѣ, если перечисленныя выше начертанія могутъ счесться соотвѣтствующими рукописнымъ, какъ не противорѣчащія обычнымъ начертаніямъ рукописей, скорѣе всего XVI вѣка, то такія, какъ: „уже“ съ „у“ вм. „оу“, при томъ въ началѣ слова, „кн:“ вм. „кн҃зь“, „кн(я)зь“ *), заставляютъ

*) Старая русская графика не знаетъ сокращеній слова безъ титла; рѣдкій своеобразный случай сокращенія словъ одной начальной буквой съ точкою при ней, но все же подъ титломъ, встрѣчаемъ въ рукописи XIV вѣка (Златая цѣпь Троицкой лавры № 11), въ которой находимъ: а҃.—ангелъ, д҃.—добро, є҃.—есть, з҃.—земля, ѕ҃.—зѣло, и҃.—иже, н҃.—нашь и др. (см. Буслаева, Историческая христоматія, стлб. 477 и сл.). Начертаніе же „кн:“ (съ двумя точками, какъ въ выпискѣ)—типичное сокращеніе слова, бывшее въ ходу въ XVIII и началѣ XIX вв.

ограничить степень показательности этихъ выписокъ: повидимому, ближе къ рукописному передавались тѣ слова, которыя казались нуждающимися въ объясненіи выписывавшему (онъ ихъ, кромѣ того, подчеркивалъ); это весьма вѣроятно: вѣдь въ такомъ случаѣ и самое начертаніе имѣетъ значеніе для расшифровки смысла написаннаго. Если это такъ, то понятно будетъ и то, что въ словахъ, не возбуждавшихъ сомнѣнія, выписывавшій не слѣдилъ за точностью начертанія, какъ это и видимъ въ приведенныхъ выше случаяхъ. Поэтому, та характеристика рукописи, которую даетъ на основаніи „Темныхъ мѣстъ" Е. В. Барсовъ, принята быть можетъ, но съ ограниченіемъ ея первыми пятью пунктами („оу", „ѕ", „ѵ", „ѧ" вм. „я", титла; см. Ж. М. Н. П., 1876, IX, 20). Въ такомъ случаѣ опредѣляется и показательная цѣнность этого листка изъ бумагъ Малиновскаго: онъ ничего не даетъ, что бы обязывало насъ относить рукопись „Слова" именно къ XVI вѣку, такъ какъ всѣ эти пункты не могутъ характеризовать рукопись только этого вѣка, встрѣчаясь и въ предыдущемъ и въ слѣдующемъ; кромѣ того, эти же черты, характеризующія въ числѣ другихъ переходъ отъ полу-устава къ скорописи, въ свое время и на иныхъ основаніяхъ, были уже указаны въ наукѣ раньше Барсова, и бумаги Малиновскаго ничего къ этому не прибавляютъ*). Въ связи съ этимъ наблюденіемъ надъ „Темными мѣстами" устанавливается и болѣе правильная оцѣнка мнѣнія о нихъ Е. В. Барсова: желая возвысить ихъ цѣнность, онъ готовъ идти далѣе Н. С. Тихонравова въ характеристикѣ неопытности и неумѣлости первыхъ издателей; вотъ какъ, полемизируя съ Д. Дубенскимъ, онъ характеризуетъ ихъ пріемы: „Сличая приведенныя „Темныя мѣста" по ихъ начертанію съ первымъ изданіемъ Слова, мы убѣждаемся, что первые редакторы издали его далеко не „за букву", какъ увѣряли. Напротивъ того, на палеографическую точность они вовсе не обращали вниманія" (Ж. М. Н. П., 1876, IX, стр. 20). Такое заключеніе получилось у него въ результатѣ анализа (какъ мы видѣли, однако, не безпристрастнаго) однихъ лишь „Темныхъ мѣстъ", выписанныхъ чуть не десять лѣтъ позднѣе изданія „Слова". Но такъ же довѣрчиво и высоко оцѣнилъ онъ опытность Малиновскаго раньше, взявши цитату изъ его письма о подложномъ спискѣ „Слова" (1815 г.): „Если человѣкъ не только

*) Ср. хотя бы то, что сказано Н. С. Тихонравовымъ въ предисловіи его ко второму изданію „Слова" (М. 1868), стр. IV—VII.

видѣлъ ее, но и изучалъ и издавалъ—и не возводитъ ее ранѣе этого времени (т. е. рукопись М.—Пушкина къ XVI вѣку), то мы не имѣемъ права не вѣрить ему, тѣмъ болѣе, что много лѣтъ служа въ архивѣ иностранной коллегіи, онъ имѣлъ достаточно навыка опредѣлять характеръ письма, соотвѣтствующій XV и XVI вѣку“ (тамъ же, стр. 19). Итакъ, съ одной стороны, опытный архивистъ, дѣлавшій палеографически точныя выписки изъ рукописи, съ другой—плохой издатель, при всей тщательности корректуры дѣлавшій не простительные промахи (смѣшеніе Ъ. Ь, Ѣ. Ы), не умѣвшій прочесть слова „припѣвку“, читавшій „дружину княжую“ вм. „дружину твою княже“ и т. п. Получается непонятное противорѣчіе въ оцѣнкѣ достоинствъ и роли А. Ф. Малиновскаго въ качествѣ работника надъ изданіемъ „Слова“. Причина этого противорѣчія, какъ кажется, лежитъ въ томъ, что Е. В. Барсовъ приписалъ Малиновскому тѣ воззрѣнія на задачи изданія старинныхъ текстовъ и въ частности „Слова“, какихъ не только не ставилъ себѣ самъ Малиновскій, но и не могъ ставить при тогдашнемъ состояніи научныхъ требованій, въ частности палеографическихъ; а сверхъ того, въ данномъ случаѣ, т. е., дѣлая по различнымъ соображеніямъ выписки изъ „Слова“, онъ и не имѣлъ надобности преслѣдовать цѣли чисто палеографическія, какъ мы то видѣли, анализируя его черновики статьи о Боянѣ. Поэтому ясно, почему его чтенія въ печатномъ изданіи „Слова“ часто правильнѣе, нежели въ черновыхъ набросхахъ: подписывая листы къ печати, онъ, естественно, желалъ стоять на высотѣ тѣхъ требованій, которыя тогда предъявлялись къ изданію стараго текста, и въ этомъ отношеніи онъ, дѣйствительно, стоялъ на высотѣ этихъ требованій. Иначе сказать: Е. В. Барсовъ, самъ увлеченный настойчивой мыслью доказать, что рукопись „Слова“ не старше XVI вѣка, преувеличилъ значеніе въ этомъ отношеніи выписокъ Малиновскаго, къ тому же имъ открытыхъ послѣ долгаго перерыва въ новомъ матеріалѣ для объясненія „Слова о полку Игоревѣ“, какой мы видимъ въ исторіи изученія его.

В.

Матеріалы, найденные Е. В. Барсовымъ, значеніе имѣютъ въ этой исторіи иное: это особенно касается того черноваго перевода „Слова“ и комментарія къ нему и тексту, которыя представляютъ VI и VIII группы бумагъ А. Ф. Малиновскаго. Что касается № VIII,

то въ отношеніи его дѣло не сложно и ясно: это—черновые наброски, дѣлавшіеся не ранѣе 1798 года (годъ бумажной филиграни) и не позднѣе 1800-го (годъ выхода перваго изданія). Но эта датировка „черновика примѣчаній" къ „Слову" представляетъ еще тотъ интересъ, что ею опредѣляется и время работы Малиновскаго надъ подготовкой изданія, и т. о. намѣчается процессъ этой работы. Тетрадь № VI, какъ мы видѣли, по бумагѣ относится къ болѣе раннимъ годамъ: на ней стоитъ 1794-й годъ; отсюда можно сдѣлать такого рода предположеніе, что Малиновскій получилъ вскорѣ послѣ 1798-го года переводъ „Слова" безъ примѣчаній, сѣлъ за его исправленіе и составленіе на-черно примѣчаній, которыя затѣмъ и переносилъ на тетрадь № VI. Самая же тетрадь № VI явиться ранѣе 1795 или 1796 года не могла: само „Слово" найдено, какъ извѣстно, только въ 1795 году. Откуда же могъ получить для исправленія этотъ переводъ А. Ф. Малиновскій? Указаніе на это можетъ дать такъ называемый „архивскій списокъ" „Слова", иначе Екатерининская копія (найденная П. Пекарскимъ, имъ же изданная въ V т. Записокъ Акад. Наукъ, 1864 г.): она стоитъ въ несомнѣнной связи съ тетрадью Малиновскаго № VI и, конечно, черновикомъ къ ней № VIII; если переводъ „Слова" въ тетради Малиновскаго во многомъ отличается отъ того перевода, который былъ изготовленъ М.-Пушкинымъ для Екатерины II, представляя какъ бы сдѣланный заново переводъ памятника, то примѣчанія къ переводу въ тетради Малиновскаго съ несомнѣнностью говорятъ за то, что Малиновскому былъ извѣстенъ текстъ этихъ примѣчаній именно по той редакціи, какую мы находимъ въ Екатерининской копіи; въ этомъ убѣждаетъ насъ простое сопоставленіе между собою тѣхъ и другихъ. Во первыхъ, общее число примѣчаній въ томъ и другомъ текстахъ почти одинаково: въ Екатер. копіи ихъ 54, у Малиновскаго—50; во вторыхъ, примѣчанія эти сдѣланы въ большинствѣ случаевъ къ однимъ и тѣмъ же мѣстамъ текста „Слова"; въ третьихъ, по самымъ чтеніямъ многія изъ этихъ примѣчаній представляютъ несомнѣнное сходство. Вотъ схема соотвѣтствія въ номерахъ примѣчаній:

2—6 Ек.	1—5 Мал.	20—24 Ек.	20—22, 24, 25 Мал.	36—39 Ек.	39—40 Мал.
11 „	11 „	26—28 „	26—28 „	45 „	43 „
12 „	14 „	30 „	29 „	49—51 „	45, 47 „
14 „	15 „	31 „	30 „	53 „	49 „
16—18 „	16—18 „	33—35 „	31—33 „	54 „	50 „

Такимъ образомъ, примѣчанія Екат.: 7—10, 13, 19, 25, 29, 32, 36, 37, 40—44, 46—48, и 52—всего двадцать шесть—замѣнены иными, при чемъ Малиновскимъ только четыре примѣчанія удалены, остальныя переработаны болѣе или менѣе радикально, главнымъ образомъ въ смыслѣ сокращенія выписокъ изъ „родословій", которыми обильно пользовался М.-Пушкинъ въ своемъ комментаріи (см. въ изд. Пекарскаго прим. 2, 34—38, 40, 43, 44, 45). А вотъ нѣсколько сопоставленій изъ чтеній этихъ примѣчаній въ томъ и другомъ текстѣ:

А) „Романъ былъ сынъ князя Святослава Ярославича, братъ Олега Святославича тмутараканскаго, котораго Казары отдали въ Царьградъ въ заточеніе, а внукъ Ярослава I Владиміровича, первый князь въ Курскѣ, удѣлѣ черниговскомъ по 1079 годъ. Онъ въ семъ 1079, пожелавъ у великаго князя Всеволода I Ярославича отнять Переяславль, пришелъ со множествомъ половцовъ къ Переяславлю. Всеволодъ, пришедъ съ войскомъ туда же, учинилъ съ половцами миръ. Романъ, видя, что князья половецкіе ему солгали, поссорился съ ними, въ которой ссорѣ половцы его убили" (Ек., прим. 5).

„Романъ, сынъ князя Святослава Ярославича, былъ на удѣлѣ черниговскомъ въ Курскѣ. Въ 1079 г., согласясь съ половцами, онъ хотѣлъ отнять Переяславль у великаго князя Всеволода Ярославича; но наемные союзники его измѣнили ему и заключили особый миръ съ великимъ княземъ кіевскимъ. Когда онъ за сію измѣну сталъ половцовъ упрекать, то произошла изъ того ссора, въ которой онъ былъ отъ нихъ убитъ" (Малин., прим. 4).

Б) „Шеломая была пограничная волость русская къ половцамъ" (Екат., прим. 11).

„Русское селеніе, на границѣ къ половцамъ лежащее" (Малин., прим. 11).

В) „Бориса Вячеславича по родословнику не находится, а упоминается о Борисѣ Всеславичѣ, сынѣ князя Всеслава Брячиславича, который былъ на княз-

„По лѣтописямъ Бориса Вячеславича не значится; а упоминается о князѣ Борисѣ Всеславичѣ, который съ 1073-го по

женіи полоцкомъ отъ 1073 по 1128 годъ. И хотя онъ съ прочими удѣльными князьями полоцкими въ 1128 г. и былъ признанъ великимъ княземъ Мстиславомъ на судъ въ Кіевъ, но не за обиду Ольга младаго князя, а за то, что оные князья полоцкіе по призыву великаго князя на войну противъ половцевъ не только не пошли, но сдѣлали ему постыдный отказъ" (Екат., прим. 20).

1128 годъ былъ на княженіи полоцкомъ. Хотя онъ и призыванъ былъ на судъ въ Кіевъ, но не за обиду молодого князя Ольга; а за то, что по назначенію великаго князя Мстислава I отказался итти войною на половцевъ". (Малин., прим. 20).

Сопоставленія эти (число коихъ можно бы значительно увеличить) съ наглядностью устанавливаютъ связь между трудомъ Малиновскаго и первымъ переводомъ и попыткой объясненія „Слова".

Съ другой стороны, точно также устанавливается текстуальная связь и между бумагами Малиновскаго и первымъ изданіемъ „Слова"; простое сравненіе между тетрадью № VIII и этимъ изданіемъ обнаруживаетъ такой процессъ выработки „печатнаго" перевода: имѣя передъ собою тетрадь № VIII и чтенія Екатерининской копіи, редакторъ исходилъ изъ текста этой тетради, вносилъ въ нее тѣ исправленія, которыя затѣмъ оказывались большею частію и въ изданіи 1800 года; при этомъ иногда отмѣны печатнаго текста сравнительно съ тетрадью № VIII, оказываются совпадающими съ Екатерининской копіей. Вотъ нѣсколько примѣровъ первой категоріи*):

Первоначальное чтеніе № VIII.	Исправленія Мал-го и изд. 1800 г.
4. А Боянъ не десять соколовъ на стадо.	А Боянъ, братцы, не десять соколовъ на стадо. . .
6. шлемомъ изъ Дону утолить свою жажду.	шлемомъ изъ Дону воды достать.
10. лаютъ на красные щиты. О Россіане! вы уже далеко за шеломою.	лаютъ на багряные щиты. О русскіе! далеко вы уже за шеломенемъ.

*) Цифры—страницы изданія 1800 года.

12. отъ кровавой зори свѣтъ. земля стонетъ, вода въ рекахъ возмущается.	зоря съ кровавымъ свѣтомъ. топотъ раздается по землѣ. вода въ рѣкахъ мутится.
13. Дѣти дьявола съ крикомъ обступили вкругъ, а храбрые Руссы противупоставили имъ щиты червленые.	Дѣти бѣсовы оградили станъ свой крикомъ, а храбрые Руссы щитами багряными.
15. Когда онъ вступалъ въ золотое стремя въ городѣ Тьмуторокани, то отдавелся звукъ у стараго Ярослава.	Онъ вступалъ въ золотое стремя въ городѣ Тмуторокани, давній звукъ великихъ побѣдъ его слышалъ старый Ярославъ.

Для второй категоріи, т. е. связи изданія съ Екатерининской копіей, достаточно обратить вниманіе хотя бы на такую общую черту въ тетради № VIII сравнительно съ печатнымъ изданіемъ: тогда какъ тетрадь отчество князей (Святославичъ, Гориславичъ . . .) въ отличіе отъ подлинника передаетъ послѣдовательно: „сынъ Святославовъ, сынъ Гориславовъ . . .", печатное изданіе и Екатерининская копія сохранили чтеніе рукописи (см. стр. 11, 15, 16, 21, 30, 46).

Въ результатѣ сдѣланныхъ сопоставленій можно съ значительной долей увѣренности предполагать, что у редактора печатнаго изданія „Слова" подъ рукой были: въ копіи Екатерининскій текстъ и тетрадь № VIII; руководясь ими и своими соображеніями при изученіи подлинной рукописи „Слова", онъ и вырабатывалъ свой переводъ для изданія. Если въ печатномъ текстѣ перевода мы встрѣчаемъ чтенія, которымъ соотвѣтствія не находимъ ни въ Екатерининскомъ, ни въ первоначальныхъ чтеніяхъ, ни въ исправленіяхъ тетради № VIII, то и ихъ возникновеніе не возбуждаетъ сомнѣнія: они явились либо при приготовленіи оригинала перевода для набора, либо вносились уже въ корректуру. При такомъ взглядѣ на процессъ подготовки печатнаго изданія, оправдываются и другія извѣстія о ходѣ изданія „Слова". Такъ, теперь получаютъ разъясненіе не совсѣмъ ясныя слова въ концѣ предисловія перваго изданія: „Издателю сего (т. е. А. И. Мусину-Пушкину „Слова о полку Игоревѣ"), который чрезъ старанія свои и прозьбы къ знающимъ достаточно Россійской языкъ доводилъ чрезъ нѣсколько лѣтъ приложенный переводъ до желанной ясности, и нынѣ по убѣжденію пріятелей рѣшился издать оной на свѣтъ"

(стр. VII—VIII). Дѣло, повидимому, было такъ: М.-Пушкинъ къ 1796 году (годъ смерти Екатерины) изготовилъ для нея свой переводъ „Слова", мало удовлетворительный, какъ это мы теперь видимъ по изданію его у Пекарскаго; онъ плохо зналъ старинный русскій языкъ, что было ясно и для современниковъ; это сознавалъ, надо полагать, и онъ самъ, почему и обращался за помощію къ людямъ, болѣе его свѣдущимъ въ этомъ отношеніи, старался исправить свой переводъ, результатомъ чего явился тотъ переводъ, который (разумѣется, безъ поправокъ и измѣненій, сдѣланныхъ Малиновскимъ) дошелъ до насъ въ бумагахъ Малиновскаго въ тетради № VIII; это было уже не ранѣе 1798 года (ср.: „черезъ нѣсколько лѣтъ"). Рѣшившись издать текстъ съ этимъ переводомъ, онъ обратился къ Малиновскому и Бантышу-Каменскому, которые, однако, и этотъ переводъ признали мало удовлетворительнымъ и согласились быть редакторами изданія на условіи новаго исправленія перевода, слѣды чего мы и видимъ въ тетради № VIII—въ многочисленныхъ исправленіяхъ текста перевода, сдѣланныхъ рукою Малиновскаго и вошедшихъ большею частію и въ печатное изданіе. Въ качествѣ же матеріала для этихъ исправленій, главнымъ образомъ для примѣчаній, былъ вытребованъ отъ М.-Пушкина его первоначальный переводъ—Екатерининская рукопись, которая и была имъ передана въ копіи или черновикѣ *). Имѣя передъ собою теперь уже два текста перевода, редакторы и теперь очень не высоко оцѣнивали познанія М.-Пушкина по части древнерусскаго языка, видѣли, съ другой стороны, и дѣйствительную трудность дать полный и надежный переводъ, въ чемъ и сознаются въ концѣ своего предисловія къ первому изданію **). Если дѣло подготовки изданія обстояло, дѣйствительно, такъ, то становится понятнымъ и то, почему издатели, взявши на себя трудъ изданія и подвергая радикальной переработкѣ сдѣланное до сихъ поръ М.-Пушкинымъ, настаивали на томъ, чтобы онъ, какъ мало свѣдущій въ дѣлѣ русскаго языка, не измѣнялъ ничего въ изготовляемомъ ими

---

*) Екатерининскій текстъ писанъ, по указанію П. Пекарскаго (у. с., стр. 5 отдѣл.), рукою того писца, который переписывалъ для Екатерины и другія бумаги и справки, касающіяся русской исторіи. Этотъ почеркъ см. въ снимкѣ, приложенномъ къ статьѣ Н. Козловскаго и П. Симони. (Древности, труды Моск. Арх. Общ., т. XIII). Подлинникъ текста и перевода, слѣдовательно, оставался у Мусина-Пушкина.

**) См. стр. VIII предисловія изд. 1800 г.

оригиналѣ для набора; но его, какъ хозяина-издателя, открывшаго самый памятникъ и давшаго средства для изданія, естественно, держали въ курсѣ печатанія, посылая ему корректуру, но одну изъ послѣднихъ (третью), когда печатный текстъ представлялся уже окончательно выработаннымъ. Такъ поступали редакторы, естественно, побуждаемые не только уваженіемъ къ владѣльцу рукописи и меценату, но и изъ вѣжливости и совершенно естественно щадя законное самолюбіе графа—быть въ той или иной формѣ участникомъ изданія открытой имъ и на его средства издаваемой рукописи. При такомъ пониманіи условій изданія 1800 года становится понятнымъ и извѣстіе, что М.-Пушкину редакторы не позволяли вмѣшиваться въ дѣло изданія по его сущности, что въ свое время такъ смутило Д. Дубенскаго *).

Въ результатѣ анализъ бумагъ А. Ф. Малиновскаго, найденныхъ Е. В. Барсовымъ и, какъ можно было видѣть изъ сказаннаго выше о нихъ, имъ неправильно освѣщенныхъ, приводитъ къ слѣдующему выводу: бумаги эти представляютъ несомнѣнный интересъ, но не для палеографической критики текста „Слова о полку Игоревѣ", а главнымъ образомъ для исторіи перваго его изданія, внося нѣкоторыя подробности въ эту исторію, до сихъ поръ не отмѣченныя въ обширной литературѣ „Слова". На основаніи этихъ бумагъ можно приблизительно такъ возстанавливать эту исторію изданія 1800 года.

Рукопись, гдѣ нашлось „Слово о полку Игоревѣ", доставлена была А. И. Мусину-Пушкину не позднѣе 1795-го года; вскорѣ съ нея была сдѣлана копія „Слова", къ которой М.-Пушкинымъ присоединенъ былъ переводъ и примѣчанія, все это было переписано и доставлено императрицѣ Екатеринѣ (конч. 6 ноября 1796 г.); въ 1797-мъ году появилось въ октябрьской книжкѣ французскаго журнала „Spectateur du Nord" первое печатное извѣстіе о „Словѣ". Тѣмъ временемъ владѣлецъ рукописи продолжалъ работать надъ переводомъ и комментаріемъ памятника, обращаясь къ помощи людей, болѣе свѣдущихъ въ древней письменности; въ результатѣ этого явился значительно переработанный переводъ „Слова", предисловіе къ нему. Рѣшившись издать памятникъ, М.-Пушкинъ обратился за содѣйствіемъ къ А. Ф. Малиновскому, директору Архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, какъ

*) Дубенскій въ 1839 г. спрашивалъ: „Почему высокопочтеннѣйшіе издатели запрещали поправлять листы графу Мусину-Пушкину?" (см. у насъ № 1).

къ человѣку въ то время завѣдомо опытному въ обращеніи съ рукописнымъ текстомъ, а потому и могшему успѣшнѣе другихъ справиться и съ изданіемъ „Слова", писаннаго „довольно яснымъ характиромъ" (слова самого М.-Пушкина), но всеже трудно читаемаго. Пригласивъ къ участію въ работѣ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, главн. обр. для веденія корректуръ, своего помощника по Архиву, Малиновскій принялся за дѣло, получивъ предварительно въ копіи текстъ перевода и примѣчаній, доставленный Екатеринѣ, и тотъ переводъ, который изготовилъ М.-Пушкинъ впослѣдствіи; это было не ранѣе 1798 года. Взявши въ свои руки дѣло изданія, А. Ф. Малиновскій взялъ на себя и почти всю работу надъ нимъ: онъ вырабатывалъ и текстъ подлинника и перевода и примѣчаній къ нему, читалъ первыя корректуры; вторую корректуру читалъ Б.-Каменскій, третью посылали „honoris causa" М.-Пушкину. При своей работѣ А. Ф. Малиновскій использовалъ въ качествѣ матеріала все доставленное ему М.-Пушкинымъ. Дѣло подготовки изданія и печатаніе были выполнены имъ не болѣе, чѣмъ въ два года. Имѣя въ виду медленность печатанія при указанныхъ условіяхъ корректуры, необходимо предположить, что времени для выработки самого оригинала для набора, научной работы надъ „Словомъ" въ распоряженіи Малиновскаго было сравнительно не много, т. е., что Малиновскій работалъ довольно торопливо, чѣмъ объясняются тѣ недочеты перваго изданія, которые указывались впослѣдствіи учеными, которымъ при критикѣ текста приходилось исходить только изъ перваго изданія (напр. Н. С. Тихонравову). Выпущенное изданіе, какъ извѣстно, возбудило около себя тотчасъ же споры; къ нимъ не могъ оставаться безучастнымъ, конечно, главный работникъ надъ изданіемъ, а трагическая судьба единственной рукописи „Слова", погибшей въ 1812 году, еще болѣе обострила эти споры. И Малиновскій, естественно, продолжалъ интересоваться памятникомъ, ища новыхъ матеріаловъ для его пониманія, готовя новыя соображенія касательно отдѣльныхъ мѣстъ, продолжавшихъ оставаться неясными и возбуждавшихъ сомнѣнія въ самыхъ чтеніяхъ, за которыя онъ такъ или иначе теперь былъ отвѣтственъ: слѣдъ этихъ продолжавшихся и послѣ изданія 1800-го года изысканій мы и находимъ въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ Малиновскаго, въ той ихъ части, которая хронологически позднѣе 1800 года, но конечно, ранѣе 1840-го — года кончины главнаго редактора изданія.

Москва Ма

Проф. М. Сперанскій.